

ПРАВОВО

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА

1899 г.

№ 44.

Воскресенье 31 Октября.

„Право“ издается в С.-Петербургѣ подъ редакціей приватъ-доцента В. М. Гессена и Н. И. Лазаревского и при ближайшемъ участіи: *И. В. Гессена, О. О. Грузенберга, прив.-доц. А. И. Каминка, В. Д. Набокова, проф. Л. И. Петражицкаго и В. М. Устинова.*

***

Содержаніе: 1) Къ вопросу о задачахъ науки римскаго права.—Приватъ-доцента М. Я. Пергамента. 2) Къ вопросу о гарантіяхъ на судѣ присяжныхъ.—Д. Л. 3) Практическія занятія юриспруденціей при парижскомъ университетѣ.—А. П.-о. 4) По поводу вліянія предѣльныхъ размѣровъ помощи крестьянскаго банка на дробленіе крестьянскихъ хозяйствъ.—Н. Дружинина. 5) Отчетъ по кассационнымъ департаментамъ Прав. Сената за 1898 г. 6) Судебные отчеты. 7) Хроника. 8) Юридическія общества. 9) Библиографія: *И. Журн. мин. юст. № 8, октябрь 1899 г. П. И. Я. Фойницкій. На досугѣ.—Вл. Н.*

10) *Справочный отдѣлъ (послѣ текста и на обложкѣ).*

РЕДАКЦІЯ (Дмитровскій пер., 6) открыта для личныхъ объясненій по воскресеньямъ отъ 1 ч. до 3 ч. дня.

Статьи, присылаемыя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ надобности, исправленію и сокращенію. Статьи должны быть присылаемы за подписью автора, съ указаніемъ его адреса. Ненапечатанныя статьи возвращаются по представленію надлежащаго количества марокъ на ихъ пересылку.

Подписная цѣна: на годъ съ доставкой и пересылкой 7 руб., на полгода 4 руб. Допускается расрочка: при подпискѣ 4 р. и къ первому мая 3 рубля. За границу за годъ—10 руб. Отдѣльные номера продаются по 20 коп.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА (Дмитровскій, 6) открыта отъ 11 час. до 4 час., кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней.

Къ вопросу о задачахъ науки римскаго права ¹⁾.

Съ тѣхъ поръ, какъ медленно угасавшее римское право было призвано въ XII вѣкѣ къ новой жизни и въ Болоньѣ засіяло новымъ, невиданнымъ еще блескомъ, съ этого момента отношеніе къ римскому праву—его изслѣдованію, примѣненію и преподаванію—постоянно мѣняется. Среди разнообразія, однако, всякаго рода ученій и школъ можно подмѣтить два главныхъ направленія, безпрерывно чередующіяся. Изъ нихъ одно должно быть названо теоретическимъ, другое—практическимъ. Первое, теоретическое, полагаетъ центръ тяжести въ изслѣдованіи чисто римскаго права, оно углубляется въ его источники, уходитъ въ классическую старину,—но оно мало беспокоится и заботится о соотвѣтствіи между найденными такимъ образомъ результатами и новымъ временемъ, новою жизнью. Наоборотъ, другое направленіе прежде всего имѣетъ въ виду практическую примѣнимость римскихъ правовыхъ положеній, оно старается согласовать эти положенія съ современной эпохой и современными потребностями. Теоретическое направленіе правильнѣе смотритъ на содержаніе римскаго права, практическое—на нужды, оборотъ, быть ²⁾. Но оба они—и это-то мнѣ хотѣлось

бы подчеркнуть—и то и другое, въ лицѣ одинаково какъ глоссаторовъ, такъ и консультаторовъ, какъ французскихъ изящныхъ экзегетовъ, такъ нѣмецкихъ практиковъ, какъ саксонцевъ, такъ нидерландцевъ,—оба, говоря, грѣшатъ противъ истины, естественности, непринужденности выводовъ. Теоретики, отыскавъ дорогую ихъ сердцу римскую норму, считаютъ возможнымъ перенести ее въ новую дѣйствительность въ совершенно неприкосновенномъ видѣ, боясь и дрожа, какъ бы единая капля изъ священнаго сосуда, именуемаго *Corpus'omn' juris*, не вылилась, не утратилась для Европы среднихъ вѣковъ и новаго времени; практики, исходя изъ запросовъ окружающаго ихъ общества, подгоняютъ подъ эти запросы римскія нормы, искажая смыслъ послѣднихъ, нерѣдко укладываютъ ихъ на Прокрустово ложе.

Такъ дѣло продолжается долго, очень долго, почти вплоть до нашихъ дней. Еще въ 40-мъ году настоящаго столѣтія, въ знаменитомъ предисловіи къ еще болѣе знаменитой „системѣ“ своей,—великій Савиньи указывалъ на то насильственное отношеніе, какое проглядываетъ въ дѣлѣ выясненія сущности римскаго права, съ одной стороны, и примѣненія его къ нынѣшнимъ условіямъ,—съ другой. Соотвѣтственно тому, Савиньи призывалъ къ новой работѣ—работѣ выдѣленія изъ современнаго права тѣхъ римскихъ элементовъ, которые отжили и влачатъ только мнимое существованіе. Въ этомъ, между прочимъ, онъ видѣлъ истинную задачу

¹⁾ Рѣчь произнесенная предъ диспутумъ въ Спб. университетѣ 24 окт. 1899 г. Подробный отчетъ о диспутѣ будетъ помѣщенъ въ слѣд. №.

²⁾ Ср. *Regelsberger Pandekten I S. 33.*

исторического единственно научного, единственно плодотворного правовѣдѣнія.

Но и съ этихъ поръ дѣло мало въ чемъ измѣнилось къ лучшему; по крайней мѣрѣ до семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годовъ, до появленія трудовъ еще находящихся въ живыхъ романистовъ—Беккера, Пернуса, Ленеля и, главнымъ образомъ, Дернбурга, который, сколь это ни кажется на первый взглядъ парадоксальнымъ, въ данномъ отношеніи долженъ быть названъ наряду съ приведенными именами, „пандекты“ котораго именно въ данномъ направленіи открыли новую эпоху въ исторіи разработки и примѣненія римскаго права.

Уже Пухта, ближайшій ученикъ, преемникъ и сотрудникъ Савиньи, а тѣмъ болѣе дальнѣйшіе послѣдователи исторической школы, — да и самъ Савиньи, ея глава, несмотря на свой призывъ,—все они, въ поискахъ современнаго римскаго права, не разъ, въ угоду современности, приводятъ намъ въ качествѣ римской, чисто римской нормы, норму отнюдь не римскую; не разъ, въ угоду Риму, считаютъ современнымъ отнюдь не современное. Они смотрятъ на римское право и излагаютъ его такимъ, какимъ оно имъ представляется сквозь призму права новаго; наоборотъ, это новое право окрашивается въ цвѣтъ римскаго, въ зависимости отъ тѣхъ очковъ или стеколъ, чрезъ которые они глядятъ. Несомнѣнно, что такимъ образомъ дѣйствительно облегчается задача сближенія римскаго права съ нынѣшнимъ пересаживаніемъ его на новую почву, какъ бы приспособленія его къ новому міру, — но точно также несомнѣнно вмѣстѣ съ тѣмъ и то, что такимъ путемъ утрачивается оригинальность римскаго права, его полный смыслъ, реальное содержаніе, истинная фizioномія. Съ другой стороны, ясно, что цѣною компромисса и цѣлю удовлетворенія современныхъ, вполне обоснованныхъ, разумныхъ интересовъ достигается лишь наполовину, только отчасти. И римско-правовой гений оказывается, слѣдовательно, постигнутымъ не въ полной мѣрѣ и всесторонности, и естественный желательный прогрессъ человѣческой мысли осуществленнымъ крайне скудно, урывками, — и притомъ украдкою, въ какой-то тиши ночной, какъ будто совершается дѣло недоброе, незаконнѣрное, долженствующее бояться дневнаго свѣта.

Къ чему же, спрашивается, все это? къ чему эти уступки, эта робость и неискренность, зачѣмъ этотъ торгъ дѣйствительности прошлой съ новою, современной? Не для того-ли только, чтобы дать возможность судья въ Мюнхенѣ или въ Лейпцигѣ успокоить себя и свои сомнѣнія, когда онъ станетъ примѣнять фрагментъ дигестъ? не для того-ли, чтобы онъ, въ невѣдѣніи и невинности, подписался подъ мнѣніемъ Геринга или Оттона Бера, принимая его за сужденіе самого Папиніана или Цельза?—Мнѣ кажется, что и съ этой точки зрѣнія нельзя

не протестовать: я и здѣсь не поклонникъ того принципа, что цѣль оправдываетъ средство. Это средство обоюдоострое, сомнительное, опасное: оно приводитъ насъ по наклонной плоскости къ одному изъ страшныхъ золь общественной жизни, къ отсутствію прочнаго, объективнаго права. Но во всякомъ случаѣ одного уже нельзя не выдѣлать, не сказать: наукѣ-то, наукѣ, которая стремится отыскать и обнаружить, обнажить истину, правду,—ей до всего этого дѣла нѣтъ, не можетъ быть дѣла. Для нея такое отношеніе едва-ли соотвѣтствуетъ ея высокому назначенію. Истинная наука римскаго права вообще и всюду, а въ частности и въ особенности въ Россіи, гдѣ римское право дѣйствующимъ закономъ никогда не было,— истинная наука римскаго права нисколько не должна страшиться раскрывать въ древнемъ Римѣ положенія и институты, рѣзко расходящиеся съ современными, для насъ вовсе непригодные. Мало того: истинно-научное направленіе въ нашей наукѣ не должно стремиться и къ констатированію во что бы то ни стало гармоніи, единства мнѣній даже въ предѣлахъ чисто римскаго права. Необходимо какъ можно болѣе проникнуться убѣжденіемъ, что разногласія и антиноміи многочисленны и неизбежны, что и то огромное пространство времени, къ которому относятся завѣщанные намъ отрывки римскихъ корифеевъ, и строго выраженная индивидуальность послѣднихъ не даетъ даже права ожидать гармоніи и солидарности взглядовъ. Современникъ Цицерона, Квинтъ Муцій, слишкомъ далекъ отъ Гереннія Модестина или Харизія, жившихъ въ 3 и 4 вв. по Р. Х., Сцевола слишкомъ мало походить на Гаю или Павла, чтобы можно было соединять принадлежащіе имъ тексты, примирять ихъ между собою. И не Юстиніану, конечно, съ его лихорадочно работавшей комиссіей могло удалиться послѣдовательное согласованіе и нивелированіе сдѣланныхъ выдержекъ.

Римское право, несмотря на всю свою универсальность, все же выросло на почвѣ извѣстныхъ, опредѣленныхъ условий времени и мѣста; оно—продуктъ этихъ условий, продуктъ самыхъ различныхъ—подчасъ своеобразныхъ и удивительныхъ—мотивовъ, начиная мотивами социальными и экономическими и кончая формальными, процессуальными, философскими. Римское право, словомъ, по прекрасному выраженію Момзена,—это часть *римской* культуры и *римской* цивилизаціи. Оторванное отъ этой цивилизаціи, оно не можетъ быть понято вполне, не можетъ быть оцѣнено по достоинству... И отсюда, разумѣется, еще болѣе выясняется вся сложность, трудность, ошибочность массоваго заимствованія чисто римскихъ нормъ, какъ уже готовыхъ результатовъ...

Не бесполезно, быть можетъ, оговориться. Было бы серьезнымъ заблужденіемъ дѣлать изъ сказаннаго выводъ о какомъ-либо умаленіи съ

моей стороны значенія римскаго права, объ отрицаніи его огромной важности для насъ и нашего времени. Позволю себѣ заявить, что, какъ убѣжденнѣйшій романистъ, я далека отъ подобной мысли. Напротивъ того, я думаю и вѣрю, что безъ помощи римскаго права для цивилиста и цивилистики почти нѣтъ спасенія; что теорія гражданскаго права можетъ быть построена только на основахъ, выработанныхъ римскимъ правомъ; что при изслѣдованіи громаднаго большинства институтовъ гражданскаго права мы должны постоянно обращаться къ нашимъ друзьямъ - римлянамъ; что для насъ необыкновенно полезно знакомство съ процессомъ созданія римскихъ нормъ, необыкновенно важно сумѣть заглянуть въ юридическую лабораторію, если смѣю такъ выразиться, римскаго ума. Но отсюда до положенія, сравнительно недавно еще господствовавшаго, что римское право настоящей писанный разумъ, — безконечно далеко. *Corpus Iuris* не есть *ratio scripta*, непосредственно пригодная для всѣхъ временъ и для всѣхъ народовъ, не есть еще общая теорія гражданскаго права и не станетъ ею даже, если изъ него устранить институтъ рабства съ относящимися сюда положеніями или перестать требовать произнесенія сакраментальныхъ словъ „*spondeo — spondeo*“... Этыхъ измѣненій, очевидно, слишкомъ недостаточно.

Таково то убѣжденіе, научное *credo*, съ которымъ я приступилъ къ разработкѣ договора неустойки, темы чрезвычайно благодарной. Благодарной потому, что на названномъ институтѣ или, точнѣе, на ученіи о немъ отразились всѣ только-что осуждавшіеся мною приемы и методы изслѣдованія римскаго права; что здѣсь, какъ въ фокусѣ, сосредоточилось большинство заблужденій новой науки римскаго права. Такъ, римскіе юристы въ нашемъ институтѣ проводятъ строгое и принципиальное различіе между двумя случаями — случаемъ присоединенія неустойчнаго согласенія къ договору формальному или абстрактному и случаемъ прибавленія того же придаточнаго договора къ контракту неформальному или каузальному. Признаніе римлянами этого различія не можетъ, на мой взглядъ, подлежать ни малѣйшему сомнѣнію, — если только источники читать объективно, не предвзято, и въ настоящее время, послѣ воскрешенія его въ нѣмецкомъ изданіи защищаемой мною книги, оно сдѣлалось, смѣю думать, господствующимъ мнѣніемъ. Съ точки зрѣнія римской, спеціально римской, это различіе, впрочемъ, вполне понятное, естественное: въ немъ сказывается могущество и сила элемента внѣшняго, формальнаго — слова, звука, еще неусѣвшаго потерпѣть окончательное пораженіе въ борьбѣ съ моментами внутренними, матеріальными, съ волею, намѣреніемъ сторонъ. А между тѣмъ,

какъ мало, какъ неохотно соглашались констатировать данное разграниченіе у римскихъ юристовъ; какъ рѣдко о немъ даже упоминалось, хотя его можно встрѣтить уже у *Domella*! Почему такъ? во имя чего? А во имя искусственнаго согласованія отдѣльных отрывковъ и подведенія ихъ подъ одну категорію и одинъ образецъ! Въ связи съ этимъ, не могу не упомянуть о стремленіи перенести въ нынѣшнее право и тѣ римскія положенія, которыя тѣсно сплетены, спаяны съ римскою стипуляціей, слѣдовательно, вмѣстѣ съ нею и отошли въ область безвозвратнаго прошлаго. Ихъ тѣмъ не менѣе стараются отстоять, спасти. На этой почвѣ создаютъ новую фигуру, такъ наз. привативную неустойку, не замѣчая, что она уже потому неустойкою быть не можетъ, что ведетъ къ ослабленію и прекращенію обязательства, а никакъ не къ укрѣпленію и обезпеченію его, къ чему, очевидно, стремится неустойка настоящая. Споръ объ этомъ, къ сожалѣнію, не умолкъ и по настоящей день. А это отчего, ради чего? Все ради того же страха — сознательнаго или бессознательнаго, все равно — страха утратить, хотя единую іоту, заимствованную отъ классиковъ! Далѣе: римскіе юристы, руководствуясь своимъ воззрѣніемъ на неустойку или, точнѣе, на усиленное неустойкою обязательство, какъ на обязательство условное, смотря на вопросъ подъ угломъ условія, примѣнили къ неустойкѣ цѣлый рядъ правилъ, перенесенныхъ изъ ученія о *conditio*. Таково регулированіе вопросовъ о вмѣненіи и винѣ при неустойчнмъ согласеніи, о послѣдствіяхъ частичнаго исполненія, о судьбѣ неустойки при наслѣдованіи на сторонѣ какъ активной, такъ и пассивной, и т. д. Все это современная доктрина, не распознавъ смысла и происхожденія римскихъ нормъ, поспѣшила усвоить, мало того: поспѣшила подыскать — для пандектнаго же права! — соотвѣтственную конструкцию, совершенно чуждую, конечно, римскимъ конструируемымъ нормамъ. Словомъ, мы оказались и оказываемся *plus royalistes que le roi*. Затѣмъ въ качествѣ верховнаго апологета выступаетъ Герингъ, который вѣщаетъ, что правила *Corpus'a juris* по вопросу о неустойкѣ обладаютъ логическою абсолютностью и необходимостью, отличаются глубокой внутренней разумностью. Въ итогѣ требованіе относится къ бѣдному должнику съ беспощадностью, съ неумолимостью, потому-де безъ нея, этой *Unerbittlichkeit*, наступитъ крайняя опасность для всего общества, произойдетъ грабежъ.

Вотъ къ чему приводить, можетъ привести критикуемое отношеніе къ римскому праву. — Но не это одно проявилось на нашемъ институтѣ. Какъ въ зеркальной поверхности, въ немъ отразилось еще многое другое. Крайности такъ наз. историко-аналитической школы съ ея интерполяціоннымъ теченіемъ точно также нашли себѣ здѣсь пристанище и тихій уголокъ.

Въ видахъ равномѣрнаго и строгаго проведенія принципа консумпціи иска стали доказывать—безъ достаточнаго основанія,—что классическое право стояло отчасти на почвѣ иной, чѣмъ Трибонианъ и его товарищи, что дополнительнаго иска въ размѣрѣ разности между двумя требованіями — основнымъ и дополнительнымъ, — классики не знали, вопреки Юстиніану. Наконецъ, last not least—и сухая, безплодная романистика и схоластика конца XVIII вѣка, непосредственно предшествующая зарожденію исторической школы, — и она сказала свое слово. Она привела къ нормировкѣ нашего института въ крупныхъ законодательныхъ работахъ конца прошлаго и начала настоящаго столѣтія—въ прусскомъ ландрехтѣ и австрійскомъ гражданскомъ уложеніи. Она же—вслѣдствіе по истинѣ чудеснаго сдѣянія обстоятельство — отразилась и на нашихъ отечественныхъ русскихъ законахъ, на т. X. ч. 1. Безограднѣйшее смѣшеніе точекъ зрѣнія, перестановка самыхъ различныхъ положеній изъ договора неустойки привели къ созданію статьи 1585, — статьи, которая не только санкционируетъ убѣжденіе кумулятивнаго между неустойкою и интересомъ отношенія, но стремится лишь къ одному—къ тому, чтобы избѣгать отождествленія неустойки съ отступнымъ, по примѣру названныхъ раньше законодательствъ, по примѣру литературы—курсовъ, монографій, диссертаций, программъ и т. п.—конца XVIII вѣка. Правда, формулировка нашей русской нормы такова, что если не прослѣдить генезиса и филиаціи идей, если не проникнуться мыслью о живучести ошибокъ въ данной области, то можно дѣйствительно прийти къ тому ложному выводу, къ какому на дѣлѣ пришелъ нашъ кассационный сенатъ. По существу, однако, его выводъ,—выводъ въ пользу кумуляціи, вмѣсто единственно спасительной альтернативы,—этотъ выводъ, думается мнѣ, невѣренъ и тѣмъ болѣе прискорбенъ, что противорѣчить нашему правовому чувству, создаетъ коллизію между судебской совѣстью и долгомъ судьи, какъ лица, примѣняющаго законъ и въ конечномъ итогѣ ослабляетъ чувство законности, вмѣсто того чтобы усиливать его и достигать тѣмъ самымъ результата драгоцѣннаго вездѣ и вдвойнѣ драгоцѣннаго у насъ, въ Россіи. Съ этой же точки зрѣнія, т. е. въ видахъ усиленія законности въ странѣ, я позволилъ бы себѣ въ заключеніе рекомендовать не принимать и статьи, предложенной въ нашемъ только что появившемся Проектѣ обязательственнаго права, — статьи о предоставленіи судьямъ неограниченнаго права измѣнять размѣры неустойки, о сообщеніи судьямъ функций конститутивнаго, а не декларативнаго лишь свойства. Эта норма, рекомендуемая нашими редакторами по составленію будущаго гражданскаго уложенія, почти цѣликомъ заимствована изъ соотвѣтственнаго, пользующагося громкой извѣстностью

параграфа новаго германскаго кодекса. Статья 63 нашего Проекта, за малыми отклоненіями, ни что иное, какъ переводъ § 343 нѣмецкаго Bürgerliches Gesetzbuch. Но это начало и въ Германіи наводитъ на тяжкое раздумье, несмотря на то, что оно проявленіе желательнаго и отважнаго „соціального теченія въ законодательствѣ“ и, какъ таковое, заслуживало бы полной дани уваженія. И тамъ осторожный юристъ недовѣрчиво глядитъ вдаль... Тѣмъ менѣе основанія торопиться введеніемъ данной нормы въ примѣненіи къ нашему обороту, не знающему, къ счастью, того разительнаго злоупотребленія неустойкой, какое извѣстно Западу. Подождемъ, посмотримъ, подтвердитъ-ли, оправдастъ-ли опытъ Германіи надежды нѣмецкаго законодателя, въ состояніи-ли будетъ ея опытъ устранить, парализовать тѣ неполнѣ удачныя результаты, какіе съ аналогичными же положеніями достигались въ другихъ странахъ—въ Австріи, Швеціи, въ старой Франціи. Пожелаемъ Германіи всякаго счастья въ дѣлѣ осуществленія надеждъ, возложенныхъ на правосудіе и его представителей, но будемъ, съ своей стороны, памятовать, что судебское *уемотрѣніе*, при самыхъ благихъ намѣреніяхъ, нерѣдко мало чѣмъ отличается отъ судебскаго *произвола*; будемъ помнить, что твердое право, въ особенности для общества молодого, еще недостаточно, быть можетъ, искусившагося, есть высокое благо, неоцѣнимое приобрѣтеніе.

Вотъ тѣ взгляды, которымъ я слѣдовалъ, та цѣль, къ которой я стремился, тотъ матеріалъ, надъ которымъ я работалъ. Если—что, впрочемъ, несомнѣнно — намѣченная задача разрѣшена мною несовѣтмъ удовлетворительно, если въ мой трудъ вкрались ошибки, пробѣлы, отчасти противорѣчія—а это точно также болѣе чѣмъ вѣроятно,—то всѣ эти дефекты и минусы исправить и восполнить научная критика и прежде всего, конечно, здѣсь, въ настоящемъ собраніи, въ лицѣ моихъ оппонентовъ.

М. Я. Пергаментъ.

Къ вопросу о гарантіяхъ на судѣ присяжныхъ.

Тѣсная органическая связь процессуальнаго строя и политическихъ учреждений въ Англии (впрочемъ, не въ одной только Англии) давно стала общимъ мѣстомъ; англійская конституція и англійскій судъ присяжныхъ—продукты глубокаго національнаго характера—духъ независимости и индивидуальности, наклонность къ борьбѣ, глубокой практической смыслъ и тонкую, чисто конкретную психологическую наблюдательность. Эти свойства англійской души одинаково раскрываются и въ политическомъ творчествѣ Англии, и въ ея творчествѣ художе-

ственнымъ, научномъ и философскомъ; они налагаютъ на всѣ произведенія, выросшія на англійской почвѣ, особый отпечатокъ, являющійся выраженіемъ ихъ кровнаго родства. Но помимо этого общаго и общеизвѣстнаго фамилнаго сходства, присущаго всѣмъ проявленіямъ англійской самобытности, англійскій судъ присяжныхъ и англійская конституція соединены узамъ еще болѣе тѣсными, чѣмъ это обыкновенно принято думать,—эти учрежденія представляются не только братьями, но братьями-близнецами. Въ основѣ обоихъ учреждений лежитъ одна и та же политическая идея,—идея свободы, но въ особенномъ, старо-англійскомъ, конституціонномъ облаченіи. Выясненіе этого специфическаго, конституціоннаго характера англійскаго процесса не будетъ, быть можетъ, лишено интереса, такъ какъ, съ пересадкой суда присяжныхъ на континентъ, этотъ именно характеръ его сильно стерся и поблѣднѣлъ; да и въ самой Англійи онъ начинаетъ, повидимому, нѣсколько уступать напору новаго, демократическаго теченія, принесшаго съ собою новое понятіе политической свободы, отличное отъ конституціонныхъ вольностей „старой Англійи“. Последній Criminal Evidence Act, о которомъ мы упоминали въ № 42 „Права“, можетъ, съ этой точки зрѣнія, оказаться не лишнимъ извѣстнаго симптоматическаго значенія.

Англійская конституціонная идея вытекала изъ недовѣрія къ политической власти, изъ сознанія противоположности или, по крайней мѣрѣ, различія интересовъ правящихъ и управляемыхъ. „Борьба между свободой и властью,—говоритъ Милль въ своемъ знаменитомъ трактатѣ „О свободѣ“,—есть наиболѣе рѣзкая черта въ исторіи Рима, Греціи и Англійи,—особенно—старой Англійи“. „Тогда признавалось необходимымъ существованіе въ обществѣ такого хищника, который былъ бы довольно силенъ, чтобы сдерживать другихъ хищниковъ и охранять отъ нихъ слабыхъ членовъ общества; но такъ какъ и этотъ царь хищниковъ былъ также не прочь попользоваться на счетъ охраняемаго имъ стада, то вслѣдствіе этого каждый членъ общины чувствовалъ себя въ необходимости быть вѣчно на-сторожѣ противъ его клюва и когтей“. Отсюда, стремленіе ограничить политическую власть; такое ограниченіе и называлось свободой. Свобода достигалась, главнымъ образомъ, путемъ установленія конституціонныхъ преградъ, заключавшихся въ томъ, что для нѣкоторыхъ, наиболѣе важныхъ, дѣйствій власти требовалось согласіе общества или какого-нибудь учрежденія, которое считалось представителемъ общественныхъ интересовъ. „Установленіе конституціонныхъ преградъ,—замѣчаетъ Милль,—стало повсюду главной цѣлью поклонниковъ свободы. Вообще, либеральныя стремленія не шли далѣе конституціонныхъ ограниченій, пока человечество довольствовалося тѣмъ, что противопоставляло

одного врага другому и соглашалось признавать надъ собою господина, съ условіемъ только имѣть болѣе или менѣе дѣйствительныя гарантіи противъ злоупотребленія имъ своей властью“. Но съ теченіемъ времени борьба за свободу претерпѣваетъ глубокое измѣненіе. Люди перестали видѣть „неизбѣжную необходимость въ томъ, чтобы правительство было властью независимой отъ общества, имѣющей свои особыя интересы, различные отъ интересовъ управляемыхъ; признано было за лучшее, чтобы правители государства избирались управляемыми и смѣнялись по ихъ усмотрѣнію“. Этотъ способъ былъ признанъ самой дѣйствительной охраной отъ злоупотребленій власти и, такимъ образомъ, прежнее стремленіе къ установленію конституціонныхъ преградъ замѣнилось, мало-по-малу, стремленіемъ къ установленію такихъ правительствъ, гдѣ бы власть была въ рукахъ выборныхъ и временныхъ правителей. „Такъ какъ вслѣдствіе этого, — говоритъ Милль,—борьба за свободу утратила свое прежнее значеніе борьбы управляемыхъ противъ правителей и стала борьбой за установленіе такихъ правительствъ, которыя бы избирались на опредѣленное время самими управляемыми, то при этомъ возникла мысль, что ограниченіе власти вовсе не имѣетъ того значенія, какое ему приписываютъ,—что оно необходимо только при существованіи такихъ правительствъ, которыхъ интересы противоположны интересамъ управляемыхъ,—что для свободы нужно не ограниченіе власти, а установленіе такихъ правителей, которые бы не могли имѣть другихъ интересовъ и другой воли, кромѣ интересовъ и воли народа, а при такихъ правителяхъ народу не будетъ никакой надобности въ ограниченіи власти, потому что ограниченіе власти было бы въ такомъ случаѣ охраненіемъ себя отъ своей собственной воли: не будетъ же народъ тиранить самъ себя“. „Такое пониманіе, или, правильнѣе сказать, такія чувства,—замѣчаетъ далѣе Милль,—были общи всему послѣднему поколѣнію европейскаго либерализма, а на континентѣ Европы они преобладаютъ еще до сихъ поръ“.

Да простятся намъ эти длинныя выписки изъ трактата Милля,—но мы ихъ привели съ тою цѣлью, чтобы показать, какое именно различіе существуетъ между тѣмъ пониманіемъ или тѣми чувствами свободы, подъ прямымъ дѣйствіемъ которыхъ выросталъ и развивался судъ присяжныхъ въ Англійи, и тѣмъ политическимъ міровоззрѣніемъ, подъ вліяніемъ котораго видоизмѣненная копія этого суда утвердилась на континентѣ Европы, прежде всего—во Франціи. Судъ присяжныхъ въ Англійи былъ не только одною изъ тѣхъ „конституціонныхъ преградъ“, о которыхъ говоритъ Милль, но и самъ построился, такъ сказать, по конституціонному типу, выработавъ цѣлую систему конституціонныхъ гарантій для охраны личной

свободы противъ возможныхъ злоупотребленій судебнымъ постановленіемъ. Правила о доказательствахъ и необходимости единогласнаго приговора составляютъ важныя части этой системы. Любопытно отмѣтить, что судъ присяжныхъ упоминается уже въ древнѣйшемъ, но до сихъ поръ еще дѣйствующемъ статутѣ англійскаго конституціоннаго права, въ великой хартии вольностей („nullus liber homo capiatur, vel emprisonetur, etc... nisi per legale iudicium parium suorum“), и что первоначально этотъ судъ былъ, собственно, однимъ изъ правилъ о доказательствахъ. Древніе присяжные сами были свидѣтелями, предустановленнымъ источникомъ достовѣрности тѣхъ фактовъ, которые утверждались ихъ приговоромъ. „Въ своей примитивной формѣ,—говоритъ одинъ изъ авторитетныхъ изслѣдователей происхожденія суда присяжныхъ въ Англии,—судъ присяжныхъ былъ лишь судомъ посредствомъ свидѣтелей (a trial by witnesses); отъ прочихъ свидѣтелей присяжные отличались только обычаями, которые налагали на нихъ обязанность приносить присягу, регулировали ихъ число, опредѣляли общественное положеніе ихъ и мѣстныя условія избранія ¹⁾“. Наряду съ этимъ заслуживаетъ вниманія тотъ фактъ, что теоретикъ демократическихъ началъ и родоначальникъ англійскаго радикализма, Бентамъ, въ своей критикѣ англійскаго процесса рѣзко ополчается противъ многихъ постановленій англійскаго law of evidence,—между прочимъ, и противъ того постановленія о недопустимости допроса обвиняемаго и его жены, которое было смягчено прошлогоднимъ Criminal evidence-Act'омъ,—исходя именно изъ той идеи, что народовластіе не требуетъ такихъ предосторожностей и огражденій противъ злоупотребленій, какія могутъ оказаться необходимыми при всякой другой формѣ правленія. Бентамъ признаетъ, что правило, запрещающее предлагать обвиняемому на судѣ какой бы то ни было вопросъ, изъ котораго можно бы было извлечь доказательство его виновности, правило это служило „гарантіей противъ прошедшей тираніи“ уголовныхъ законовъ, среди которыхъ были „до такой степени зловредные статуты, что если бы они строго исполнялись, то внесли бы отчаяніе въ общество“. Онъ приводитъ характерный въ этомъ отношеніи примѣръ суда надъ священникомъ, привлеченнымъ къ отвѣтственности по обвиненію въ томъ, что онъ служилъ обѣдню (католическую) въ Англии. На основаніи одного стараго закона, созданнаго религіозной нетерпимостью, это было преступленіемъ, которое наказывалось смертью или ссылкой. Свидѣтели были выслушаны; дѣяніе было доказано, но обвиняемый, все-таки,

былъ оправданъ, въ виду того, что хотя доказано, что онъ служилъ обѣдню, но не доказано, что онъ былъ священникомъ. Если бы обвиняемаго можно было допрашивать по обстоятельствамъ, неблагоприятнымъ для него, его религіозныя убѣжденія не позволили бы ему скрыть свое званіе, и онъ могъ бы быть спасенъ только помилованіемъ. Бентамъ задается вопросомъ: если это средство было полезно противъ прошедшей тираніи, почему не сохранить его, какъ гарантію противъ будущей?—и отвѣчаетъ на него указаніемъ на нелѣпность и странность „манеры разсужденія, которая исходила бы изъ предположеній, что законы будутъ притѣснительны... Надо предполагать что законы вообще будутъ такіе, какими они должны быть установлены для огражденія общества; и слѣдуетъ поддерживать ихъ судопроизводствомъ наиболѣе дѣйствительнымъ“ ¹⁾. Этой странной манерѣ разсужденія англичане, въ значительной мѣрѣ, обязаны зарожденіемъ и развитіемъ своей политической свободы,—и, конечно, отъ этой манеры были свободны дѣятели французскаго конвента, признавшіе безусловную и неограниченную увѣренность внутренняго убѣжденія (intime conviction) присяжныхъ засѣдателей.

„Конституціонныя“ гарантіи англійскаго уголовного процесса, ограждающія личную свободу, являются въ то же время предохранительными средствами противъ судебныхъ ошибокъ, или, точнѣе, противъ неправильныхъ, недостаточно обоснованныхъ приговоровъ. Это ясно само собой: неправильный судебный приговоръ, какъ орудіе тираніи власти — вотъ та опасность, отъ которой англичане желали себя обезпечить. Такимъ образомъ, какова бы ни была политическая цѣнность такихъ гарантій въ другой странѣ и въ другихъ общественныхъ и бытовыхъ условіяхъ, онѣ вездѣ сохраняютъ свое технически-судопроизводственное значеніе,—и именно теперь, когда вопросъ о судебныхъ ошибкахъ принялъ въ общественномъ мнѣніи довольно грозные размѣры, вниманіе невольно направляется въ эту сторону. Практическій смыслъ англичанъ, ихъ глубокой конкретно-психологическій тактъ ярко обнаруживается въ строѣ и порядкахъ англійскаго процесса. Въ Англии никогда не было эпохи, когда бы дѣйствовала какая-либо система формальныхъ доказательствъ; англичанамъ, повидимому, всегда было ясно пониманіе того, что судебная достовѣрность есть сложная психологическая ткань, а не вытянутая въ одну линію цѣпь логическихъ умозаключеній, и что, поэтому, никакими логическими формулами нельзя вполне охватить ея признаки и выразить различныя ея степени. Но, съ другой стороны, имъ не менѣе было ясно, что добротность этой ткани

¹⁾ Fr. Palgrave: Rise and Progress of the English Commonwealth. Lon. 1832 т. I, стр. 243. Цитируемъ по извлеченію, приведенному въ трудѣ г. Дерюжинскаго—Habeas Corpus Akt, стр. 7.

¹⁾ О судебныхъ доказательствахъ. Трактатъ Іеремиа Бентама по изд. Дюмона, пер. Бороновича, стр. 269—70.

зависитъ отъ добротности вступающихъ въ нее матеріаловъ, и отъ условій, въ которыхъ совершается ихъ испытаніе и переработка. Многовѣковой опытъ относительно достоинствъ различныхъ источниковъ достовѣрности и способовъ наилучшей ихъ эксплуатаціи, въ цѣляхъ достиженія правильнаго, наиболѣе согласнаго съ объективной истиной, судебного приговора, сложился въ англійскомъ ученіи о доказательствѣхъ—law of evidence.

По опредѣленію англійской юриспруденціи, правила о доказательствѣхъ есть часть процесса, рѣшающая вопросы о томъ: какіе факты должны быть доказываемы (thesis probanda),—какого рода доказательства могутъ быть представляемы для подтвержденія этихъ фактовъ,—къмъ и въ какомъ видѣ должны быть представляемы доказательства, которыми подтверждаются искомыя факты. Рѣшеніе перваго вопроса, о thesis probanda, опредѣляетъ границы судебного изслѣдованія, или, по англійскому выраженію, относимость фактовъ къ дѣлу; ствѣтъ на второй вопросъ образуетъ тотъ отдѣлъ теоріи доказательствъ, въ которомъ излагается ученіе о различныхъ видахъ доказательствъ, и, наконецъ, третій вопросъ разрѣшается правилами о возложеніи бремени доказыванія, о допросѣ, о допустимости свидѣтелей, о способѣ изслѣдованія ихъ достовѣрности. Здѣсь, конечно, не мѣсто останавливаться на подробномъ изложеніи этихъ отдѣловъ англійской теоріи доказательствъ¹⁾. Мы приведемъ только для иллюстраціи нѣсколько положеній изъ ученія объ относимости фактовъ къ дѣлу. Фактами, относящимися къ дѣлу, признаются, во-первыхъ, факты, составляющие предметъ самаго иска (facts in issue), и во-вторыхъ, факты, отъ существованія которыхъ могутъ быть дѣлаемы заключенія къ спорнымъ фактамъ (facts relevant to the issue). Обстоятельство, относящееся къ дѣлу (relevant), можетъ находиться съ предметомъ, подлежащимъ доказыванію, въ отношеніяхъ причины или слѣдствія, или быть причиною однихъ и тѣхъ же слѣдствій, или слѣдствіемъ одной и той же причины; между фактами можетъ быть и такое отношеніе, въ силу котораго одно обстоятельство доказываетъ, что другое могло или не могло существовать, что оно вѣроятно или невѣроятно. Изъ разряда relevant facts изъемяются по общему правилу, четыре категоріи фактовъ: 1) факты подобные, но не связанные специально съ разсматриваемымъ дѣломъ (напр. тотъ фактъ, что обвиняемый прежде совершилъ подобное же преступленіе); 2) фактъ, что лицо, не вызванное къ дѣлу въ качествѣ свидѣтеля, утверждаетъ, что извѣстный фактъ существуетъ (hearsy, свидѣтельство по слуху); 3) фактъ, что какое-нибудь

лицо держится мнѣнія, что данный фактъ существуетъ (opinion, мнѣніе); 4) фактъ, что репутація лица такова, что представляется вѣроятнымъ приписываемое ему дѣяніе (character, репутація). Достаточно, понятно, этихъ обгльхъ указаній, чтобы судить о томъ, сколько ошибокъ избѣгаетъ англійскій судъ, благодаря устраненію изъ процесса этихъ четырехъ мутныхъ источниковъ.

Д. Л.

Практическія занятія юриспруденціей при парижскомъ университетѣ.

(Изъ путевыхъ замѣтокъ.)

Июльскимъ циркуляромъ министра народнаго просвѣщенія обращено вниманіе юридическихъ факультетовъ на одно изъ самыхъ слабыхъ мѣстъ русскаго преподаванія науки права: на такъ называемыя практическія занятія. Съ осенняго семестра во всѣхъ университетахъ предложено было ввести обязательные семинаріи. Не предугадывая того, какъ будетъ поставлено это новое и трудное дѣло, мы считаемъ, все таки, умѣстнымъ сообщить нѣсколько, кажется, не вполне общезвѣстныхъ данныхъ о томъ, какъ устроены эти занятія въ парижской École de Droit (нынѣ Faculté de Droit de l'Université de Paris). Благодаря многолѣтнему опыту и прирожденному педагогическому инстинкту, французы сумѣли поставить все дѣло весьма цѣлесообразнымъ образомъ, такъ что у нихъ многому можно поучиться.

Всякій ученикъ французской юридической школы въ своихъ занятіяхъ готовится или къ политической карьерѣ, или къ адвокатурѣ, или къ профессурѣ; наконецъ, въ наиболѣе скромныхъ случаяхъ, онъ мечтаетъ просто о томъ, чтобы благополучно сдать экзамены и получить установленный дипломъ. Для слушателей каждой изъ этихъ четырехъ категорій существуютъ спеціальныя практическія занятія.

Для тѣхъ, кто желаетъ серьезнымъ образомъ подготовиться къ экзаменамъ, занятія устраиваются самою школою и заключаются въ томъ, что параллельно къ каждому официальному курсу объявляется особая conférence подъ руководствомъ спеціалиста—agrégé (agrégation соответствуетъ нашему магистрантскому экзамену). За право участвовать въ каждой изъ такихъ conférences слушатели платятъ высокой гонораръ (до 50—100 фр. въ семестръ), благодаря чему и число участниковъ сводится обыкновенно до необходимаго minimum'a. Въ противоположность всѣмъ остальнымъ лекціямъ, разбираемыя conférences происходятъ закрытымъ образомъ, такъ что попасть на нихъ постороннему челоуку очень трудно. Однако, благодаря любезности одного изъ магистрантовъ, мнѣ удалось побывать у него на цѣломъ рядѣ conférences по гражданскому праву. Занятія ведутся титорскимъ образомъ, на образецъ нѣмецкихъ conversatoria-practica: руководитель излагаетъ студентамъ содержаніе опредѣленнаго отдѣла въ той формѣ и въ томъ объемѣ, въ какомъ они должны будутъ отвѣчать на экзаменѣ; одинъ изъ слушателей приблизительно воспроизводитъ только что

¹⁾ Читатель можетъ ознакомиться съ этимъ предметомъ въ трудѣ проф. Владимірова: Ученіе объ уголовныхъ доказательствахъ, и Стефановскаго: О предѣлахъ изслѣдованія въ уголовномъ процессѣ.

разсказанное,—и къ слѣдующему разу всѣ слушатели должны знать этотъ отдѣлъ, въ чемъ руководитель и удостоверяется спрашиваніемъ. Изрѣдка и въ очень небольшомъ количествѣ дозволяется слушателямъ проявлять и нѣкоторую самостоятельность; дѣлается это такимъ образомъ, что кому-нибудь изъ наиболѣе толковыхъ поручается заранѣе приготовить опредѣленный мелкій и рѣзко очерченный вопросъ и затѣмъ изложить его аудиторіи вмѣсто руководителя. При этомъ, очень полезно бываетъ, какъ я замѣтилъ, заранѣе указать референту тотъ (возможно краткій) промежутокъ времени, который ему будетъ предоставленъ: мнѣ пришлось, напр., выслушивать очень сжатые и толковые „доклады“ о томъ, съ какого момента дѣйствуетъ судебное рѣшеніе о разводѣ (5 минутъ), о *laesio enormis* (6 минутъ) и т. д. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, если руководитель умѣлъ поставить дѣло, слушатели настолько привыкають конструировать логически и послѣдовательно свои отвѣты, что нѣкоторымъ изъ нихъ является возможнымъ поручить составленіе дидактически-правильныхъ „лекцій“, которыя затѣмъ и излагаются авторомъ аудиторіи. Всѣ *conférences* описаннаго рода ведутся подъ непосредственнымъ наблюденіемъ соответствующаго профессора, отчасти лично присутствующаго на занятіяхъ, а отчасти указывающаго магистранту, какъ координировать *conférence* съ курсомъ читаемыхъ лекцій.

Для второй изъ намѣченныхъ группъ, т. е. для тѣхъ лицъ, которыя готовятся къ адвокатурѣ, практическія занятія организованы на началахъ частной инициативы. А именно, при школѣ существуетъ нѣсколько студенческихъ кружковъ, имѣющихъ исключительную цѣлью готовить своихъ членовъ къ участию въ судебныхъ засѣданіяхъ. Кружки эти — нѣкоторые изъ нихъ насчитываютъ до 60—70 лѣтъ существованія — носятъ громкія названія знаменитыхъ французскихъ юристовъ (*Conférence Pothier, Berryer, Ortolan* etc.) и существуютъ на самыя скромныя средства. Если не ошибаюсь, каждый членъ вноситъ 5—6 франковъ въ годъ. На одномъ изъ засѣданій, на которомъ мнѣ удалось присутствовать, казначей докладывалъ, что *le capital social* составлялъ къ концу отчетнаго года что-то вродѣ 14 фр. съ сантимами. Впрочемъ, и расходы у этихъ миниатюрныхъ обществъ весьма незначительны: дѣло въ томъ, что помѣщеніе, освѣщеніе и отопленіе всѣмъ имъ полагается даровое. Каждое изъ нихъ имѣетъ право занять одинъ разъ въ недѣлю, вечеромъ, одну изъ безчисленныхъ камеръ въ *Palais de Justice*; такимъ образомъ, платятъ они только за печатаніе повѣстокъ, да сторожа въ *Palais* взимають съ нихъ на чай.

Самыя занятія происходятъ слѣдующимъ образомъ. Въ началѣ полугодія, совѣтъ общества (обыкновенно состоящій изъ болѣе опытныхъ студентовъ и изъ молодыхъ адвокатовъ, не прервавшихъ своихъ связей съ *conférence*) составляетъ списокъ вопросовъ, подлежащихъ обсужденію. Вопросы эти выбираются непременно съ такимъ расчетомъ, чтобы рѣшить ихъ было возможно и въ томъ, и въ другомъ смыслѣ. Затѣмъ, совѣтъ точно указываетъ въ повѣсткѣ всю существующую литературу и *jurisprudence*, отмѣчая какъ положительныя мнѣнія, такъ и отрицательныя. Такимъ образомъ, повѣстка получаетъ такой видъ:

„L'usage personnel d'un objet contrefait peut-il constituer la contrefaçon?“

Affirm : Renouard, № 23

Pouillet, № 676

Négat. : Metz 4 Fevr. 1869. Sirey 69. 2. 204

Rodez 25 Fevr. 1851

Huard et Pelletier n° 119.

Изрѣдка предлагаются вопросы изъ области интересующихъ въ данный моментъ общество: Можетъ ли быть женщина адвокатомъ? — Имѣетъ ли право посѣтитель свистать въ театрѣ, если онъ заплатилъ за входъ? — Домашнее ли животное — почтовый голубъ?

Когда повѣстка окончательно установлена, члены записываются докладчиками, по три на каждое дѣло; такимъ образомъ, одинъ изъ нихъ играетъ роль истца, другой — отвѣтника, а третій даетъ заключенія въ интересахъ закона, какъ товарищъ прокурора. Самое засѣданіе происходитъ по всѣмъ правиламъ уставовъ гражданскаго или уголовнаго судопроизводства, со свойственною французамъ театральностью. Совѣтъ занимаетъ мѣста за судейскимъ столомъ, а стороны облачаются въ адвокатскія тоги и излагаютъ свои *plaidoyers*, подражая приемамъ лучшихъ ораторовъ. Послѣ двухъ рѣчей и двухъ репликъ право голоса, въ томъ или другомъ смыслѣ, предоставляется также и желающимъ изъ публики. По окончаніи преній, товарищъ прокурора даетъ свое заключеніе — и вопросъ вотируется всѣми присутствующими членами.

Если не обращать вниманія на театральность, свойственную этимъ засѣданіямъ и неприятно рѣжущую русскій глазъ, — то нельзя не признать, что эти *conférences* довольно удачно достигаютъ поставленной ими себя цѣли. Приучая къ самообладанію и находчивости, эти сборища заставляютъ участниковъ до тонкости изучить постановленія закона о ходѣ судебного засѣданія. Какъ мнѣ разсказывали, большинство добросовѣстныхъ членовъ всякой *conférence* къ концу трехлѣтняго искуса мало въ чемъ уступаютъ даже адвокатамъ-стажерамъ.

Для третьей категоріи студентовъ, т. е. для лицъ, готовящихъ себя къ парламентской дѣятельности, существуетъ грандіозная ассоціація „Молэ-Токвиль“. Эта ассоціація насчитываетъ также нѣсколько десятковъ лѣтъ существованія, и въ началѣ 1897 года была признана юридическимъ лицомъ (*établissement d'utilité publique*). Засѣданія ея происходятъ разъ въ недѣлю въ одной изъ залъ медицинской школы, и производятъ на свѣжаго человѣка чрезвычайно курьезное впечатлѣніе. Въ большой аудиторіи (амфитеатромъ) размѣщается человѣкъ 100—120 студентовъ, принадлежавшихъ къ различнымъ „парламентскимъ группамъ“. Налѣво отъ зрителя сидитъ „правая“, человѣкъ пятнадцать какихъ-то виконтовъ въ безукоризненныхъ сюртукахъ и фракахъ; направо шумятъ „соціалисты“ въ соответствующихъ ихъ „убѣжденіямъ“ одеждахъ; въ центрѣ располагаются умѣренные и радикалы. Самое засѣданіе происходитъ на основаніи регламента палаты, съ тою только разницей, что скамья министровъ остается всегда пустою: всѣ интерпелляціи обращаются къ дѣйствительному министерству, и возируемое недовѣріе не производитъ никакого вліянія на составъ общества. Лично мнѣ удалось присутствовать на трехъ засѣданіяхъ. На первомъ изъ нихъ вновь выбранный пре-

зидентъ собранія произнесъ рѣчь, въ которой благодарилъ за избраніе и излагалъ заслуги передъ обществомъ своего предшественника, выбывшаго по очереди президента. Рѣчь эта, полная намековъ на волнованіе въ то время (декабрь 1896 г.) обществомъ вопросы, по содержанию своему была довольно пустовата, по формѣ была почти безукоризненна: видно было, что студентъ-избранникъ вполне усвоилъ себѣ технику ораторскаго искусства. Пренія по поводу этой рѣчи также показались мнѣ довольно безцвѣтными. За то слѣдующее засѣданіе, посвященное интерпеляціи по вопросу о французской политикѣ на Критѣ, оказалось чрезвычайно интереснымъ. Одинъ за другимъ смѣнялись на кафедрѣ ораторы, и большинство изъ нихъ обнаружило удивительное знакомство съ исторіей вопроса вплоть до послѣдней, только что опубликованной тогда желтой книги. Одинъ изъ студентовъ изложилъ критически всю исторію отношеній между Франціей и Россіей (съ 1856 г.), и меня поразили то спокойствіе и умѣнье, съ которыми онъ на память излагалъ всѣ фазисы вопроса. Наконецъ, третье засѣданіе оказалось менѣе серьезнымъ, но необычайно живымъ; обсуждалась интерпеляція одного изъ членовъ правды: „почему правительство, разрѣшая шутовскія процессіи („*Voefuf gras*“) полупьяныхъ людей, запрещаетъ вѣрующимъ мирно и чинно праздновать нѣкоторые торжественные дни спокойными и приличными процессіями? Пренія съ самого начала получили слегка шутовской характеръ; ядовитыя *interruptions* такъ и посыпались на интерпелятора, и нѣкоторыя изъ его остроумныхъ репликъ сопровождалась дружными раскатами хохота. Живость и находчивость французовъ показали себя на этомъ засѣданіи въ полномъ блескѣ.

Мнѣ остается, наконецъ, упомянуть о послѣдней категоріи студентовъ, т. е. о тѣхъ, которые приготавливаются къ профессорскому званію. Для этихъ лицъ, почти соответствующихъ нашимъ магистрантамъ, практическія занятія устриваются школою въ видѣ двухъ совершенно различныхъ семинаріевъ. Въ одномъ изъ нихъ магистранты выступаютъ въ качествѣ учениковъ, и занятія ихъ состоятъ въ чтеніи лекцій подъ руководствомъ какого-нибудь опытнаго профессора (мнѣ пришлось присутствовать у проф. Pillet). Особенность этого семинарія заключается въ томъ, что каждому изъ участниковъ предлагается прочесть законченную лекцію по какому-нибудь юридическому вопросу *не* изъ области его специальности (при мнѣ политико-экономъ читалъ о „блокадѣ“). Дѣлается это, повидимому, для того, чтобы возможно болѣе сосредоточить вниманіе составителя лекціи на ея внѣшнихъ элементахъ, другими словами: чтобы заставить его излагать въ формѣ *лекціи*, а не реферата. У неопытнаго человѣка, какъ извѣстно, эти два понятія очень часто смѣшиваются, и очень многіе авторы „вступительныхъ“ и „пробныхъ“ лекцій заботятся не столько о томъ, чтобы, отбросивъ ненужныя подробности, дать своимъ слушателямъ стройную картину вопроса съ дидактически-правильнымъ нарастающимъ новыхъ элементовъ, — сколько о томъ, чтобы блеснуть глубиной своихъ познаній и, по возможности, „открыть новые горизонты“. Такой ошибки французы не допускаютъ: совершенно правильно рассчитывая, что глубина научныхъ взгля-

довъ можетъ быть только плодомъ продолжительной научной дѣятельности, они съ тѣмъ болѣею настойчивостью требуютъ отъ молодежи добросовѣстнаго отношенія къ формѣ изложенія. Въ ученое доклады—говорятъ они—можно простить, въ крайнемъ случаѣ, недостатки общаго логическаго построенія, разъ они искупаются цѣнностью содержанія; не такъ въ лекціи: для малоподготовленныхъ слушателей цѣнное становится таковымъ тогда, когда оно безукоризненно изложено. Въ виду именно всего этого, чтеніе лекцій и совершается каждымъ *внѣ* своей спеціальности. Имѣя передъ собой всего 2—3 недѣли времени и ясно указанные источники, политико-экономъ сразу постигаетъ, насколько щетны были бы его усилія сказать что-нибудь новое о блокадѣ. Силою вещей принужденный излагать общеизвѣстныя истины, онъ невольно обращаетъ свое вниманіе на то, чтобы блеснуть, по крайней мѣрѣ, формой изложенія и планировкой лекціи. И въ результатѣ, всякій изъ участниковъ семинарія научается искусству читать лекцію, т. е. тому искусству, которое предполагается врожденнымъ у всякаго русскаго магистранта, сдавашаго установленные экзамены.

По прочтеніи лекціи, профессоръ-руководитель, а также и желающіе изъ товарищей, дѣлаютъ свои замѣчанія, почти исключительно посвященныя формѣ изложенія, координаціи частей и такъ называемымъ недостаткамъ чувства „перспективы“, причемъ многія изъ этихъ замѣчаній входятъ въ такія мелочи, что постороннему человѣку становится даже неловко. Не мало вниманія обращено и здѣсь на умѣнье распоряжаться своимъ временемъ: по истеченіи 45 минутъ руководитель прерываетъ говорящаго хотя бы на полусловѣ, — и все непрочитанное ставится ему въ укоръ.

Во второмъ семинарії магистранты подходятъ къ дѣлу съ діаметрально-противоположной стороны. Я уже говорилъ выше о практическихъ занятіяхъ для студентовъ, готовящихся къ экзамену, и упомянулъ тогда же, что руководителями такихъ *conférences* являются магистранты. Для этихъ послѣднихъ практическія занятія со студентами именно и являются великолѣпнымъ семинаріемъ: насколько въ ранѣе описанномъ ихъ учатъ владѣть формой, настолько во второмъ они собираютъ незыблемый фундаментъ основныхъ данныхъ той науки, въ которой каждый изъ нихъ специализируется. И трудно сказать, кому эти занятія приносятъ больше пользы: студентамъ ли или ихъ руководителямъ. Какъ устроены эти занятія — я уже изложилъ выше.

А. П.—о.

По поводу вліянія предѣльныхъ размѣровъ помощи крестьянскаго банка на дробленіе крестьянскихъ хозяйствъ.

Поставленная крестьянскому банку, при учрежденіи его, задача и соединенное съ пожертвованіемъ части государственныхъ доходовъ освобожденіе его кліентовъ отъ уплаты крѣпостныхъ, актовыхъ и гербовыхъ сборовъ совершенно опредѣленно указывали, что облегченные способы покупки земли были главнымъ обра-

зомъ предназначены для маломущихъ сельскихъ обывателей или хотя бы и обезпеченныхъ хорошими рабочими и инвентарными средствами, но, по отсутствію значительныхъ денежныхъ средствъ, не располагавшихъ возможностью самостоятельно достигнуть земельного своего устройства, удовлетворяющаго опредѣлившимся нуждамъ ихъ хозяйства.

Такимъ образомъ сама поставленная банку задача являлась уже источникомъ необходимости установленія извѣстнаго предѣла помощи банка каждому данному его кліенту. Очевидно, что возможному всегда уклоненію отъ основной цѣли въ столь живомъ и гибкомъ дѣлѣ необходимо было, противопоставить ту или иную преграду. Оставляя поэтому безъ дальнѣйшаго обсужденія вопросъ о необходимости сказанной преграды по достаточной его уясненности, мы позволимъ себѣ прямо остановиться на свойствахъ и значеніи предѣльныхъ нормъ кредита сначала по положенію о крестьянскомъ поземельномъ банкѣ 18 мая 1882 года, а затѣмъ по уставу сего банка 27 ноября 1895 года, съ оговоркою однако, что сужденіе это коснется лишь вліянія упомянутыхъ предѣловъ на дробленіе крестьянскихъ хозяйствъ, причѣмъ будемъ имѣть главнымъ образомъ въ виду предѣльный размѣръ кредита отдѣльному домохозяину въ покупкахъ земель товариществами и отдѣльными крестьянами. Статьею 17 положенія о крестьянскомъ банкѣ 18 мая 1882 г. предѣльный размѣръ ссудъ на каждаго отдѣльнаго домохозяина былъ установленъ въ 500 руб.

Не затрогивая уже той стороны дѣла, что послѣдовавшій подъемъ земельныхъ цѣнъ для многихъ мѣстностей весьма быстро совсѣмъ уничтожилъ полезное значеніе такой помощи банка, можно смѣло утверждать, что въ районахъ значительныхъ земельныхъ цѣнъ любое семейство съ большимъ числомъ рабочихъ силъ въ своемъ составѣ и соотвѣствующимъ инвентаремъ съ самаго открытія дѣятельности банка не могло удовольствоваться такою помощью. Приходилось или дѣйствительно дробить домохозяйство дѣлежомъ, или, избѣгая фактическаго раздѣла, ограничиться полученіемъ приговора общества на совершеніе такового и соотвѣствующею отмѣткою въ посеимномъ спискѣ, дававшю каждому фиктивно отдѣленному члену семьи право на самостоятельное полученіе помощи банка въ упомянутыхъ выше предѣлахъ. Въ первомъ случаѣ, вопреки выгодамъ большаго общаго хозяйства, крупная хозяйственная единица насильственно дробилась на мелкія отдѣльности. Во второмъ—виѣшняя цѣлость двора сохранялась, но владѣльцемъ и полнымъ распорядителемъ приобрѣтенной земли являлся не глава домохозяйства, а нѣсколько членовъ послѣдняго. Такимъ образомъ, нарушалось единство распоряженія собственностью и состоявшими въ распоряженіи домохозяйства рабочими силами и инвентаремъ. Въмѣсто двора съ крѣпкимъ іерархическимъ семейнымъ строемъ и подчиненіемъ, создавалась искусственно конгрегація лицъ, равноправныхъ по крайней мѣрѣ въ отношеніи владѣнія приобрѣтенными долями земельной собственности. Такъ или иначе, открывалось попріеде для подготовки раздробленія хозяйства въ будущемъ. Неудобства установленнаго ст. 17 положенія 18 мая 1882 года порядка сознавались, повидимому, и руководителями дѣла. По

крайней мѣрѣ въ новый уставъ банка старыя нормы не вошли. Статьей 54 устава банка 27 ноября 1895 г. министру финансовъ предоставлено, по соглашенію съ подлежащими министрами, установить высшій предѣлъ земельного приобрѣтенія на домохозяина съ тѣмъ, что содѣйствіе банка въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ должно ограничиться количествомъ земли, посильнымъ къ обработкѣ собственными силами покупщика.

Такое постановленіе новаго устава обезпечиваетъ, повидимому, наиболѣе практичную постановку вопроса о предѣлахъ содѣйствія крестьянскаго банка. Однако, и оно, при нѣкоторыхъ условіяхъ, можетъ дать мѣсто старымъ опасеніямъ.

Отмѣтить эти условія нынѣ же намъ кажется излишнимъ, особенно въ виду того, что росписаніе высшихъ предѣловъ земельныхъ нормъ по ст. 54 устава крестьянскаго банка еще представляется вопросомъ будущаго.

До изданія сказанныхъ нормъ, въ земскихъ губерніяхъ высшій предѣлъ земельныхъ приобрѣтеній на домохозяина опредѣлять въ размѣрѣ, дающемъ право участія въ земскихъ избирательныхъ сѣздахъ (ст. 2 св. зак. т. II изд. 1893 г.). Въ губерніяхъ же неземскихъ оставлена пока прежняя денежная норма въ 500 руб. При этомъ банкъ во всѣхъ сдѣлкахъ, превышающихъ такой предѣлъ, испрашиваетъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ разрѣшенія подлежащей власти на выдачу необходимой ссуды. Въ различныхъ мѣстахъ практика выработала различный высшій размѣръ земельного приобрѣтенія на отдѣльнаго домохозяина. Необходимо, однако, упомянуть, что въ земскихъ губерніяхъ допускаемая сказаннымъ закономъ величина приобрѣтенія съ помощью крестьянскаго банка также несомнѣнно недостаточна для семейства съ большимъ числомъ взрослыхъ членовъ въ своемъ составѣ. Въ неземскихъ же губерніяхъ, въ иныхъ случаяхъ, выработались въ свою очередь нормы слишкомъ узкія, какъ напримѣръ въ Донской области, по среднему расчету не свыше 25 десятинъ на домохозяина въ товариществѣ кругомъ. Если товарищество образуется изъ домохозяйствъ, сильныхъ рабочими средствами и инвентаремъ, то покупка земли въ достаточномъ количествѣ для удовлетворенія потребности въ землѣ каждаго такого хозяйства возможна лишь при условіи или допущенія фиктивныхъ участниковъ въ покупку, или раздѣла сильныхъ числомъ членовъ хозяйственныхъ единицъ. Еще тѣснѣе оказывается упомянутый предѣлъ въ отношеніи покупокъ земли отдѣльными домохозяевами при большомъ составѣ ихъ семей...

Такимъ образомъ, всѣ условія для прежняго вліянія помощи крестьянскаго банка на раздѣлы въ крестьянскихъ хозяйствахъ окажутся вновь на лицѣ.

Нужно, однако, думать, что очевидная выгода богатыхъ рабочими силами крестьянскихъ хозяйствъ и давно уясненный вредъ семейныхъ раздѣловъ среди крестьянъ будутъ приняты въ расчетъ при изданіи росписанія высшихъ предѣловъ земельныхъ приобрѣтеній по ст. 54 устава крестьянскаго поземельнаго банка, тѣмъ болѣе, что статья эта даетъ чрезвычайно широкія средства для практичнаго рѣшенія затронутого нами выше вопроса.

Н. Дружининъ.

Отчетъ по кассационнымъ департаментамъ Правительствующаго Сената за 1898 г.

Обсуждая въ № 2 „Правъ“ (с. 108) отчетъ за 1897 г., мы выразили надежду, что за послѣдовавшимъ въ 1898 г. усиленіемъ состава гр. касс. департамента 4-мя новыми сенаторами, положеніе дѣлъ измѣнится къ лучшему, въ смыслѣ болѣе своевременнаго разрѣшенія поступающихъ въ Сенатъ кассационныхъ жалобъ. Къ сожалѣнію, наши надежды не осуществились: поступленіе дѣлъ продолжаетъ безпрерывно расти (въ 1897 г.—8,323 дѣла, въ 1898—9,012 д.), что, впрочемъ, совершенно естественно въ виду распространія судебной реформы на окраинныя мѣстности Имперіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ еще болѣе увеличивается остатокъ нерѣшенныхъ къ концу года дѣлъ (остатокъ этотъ составлялъ къ 1 января 1897 г.—5,666 дѣлъ, къ 1898 г.—6,557, къ 1899 г.—8,792, дѣла, въ томъ числѣ дѣлъ судебныхъ палатъ 3,438, окружн. судовъ 598 и мировыхъ суд. установлений 4,756). Очевидно, такимъ образомъ, что здѣсь требуется болѣе серьезная реформа, но тѣмъ болѣе слѣдуетъ опасаться, чтобы нынѣшній ненормальный порядокъ крайняго обремененія сенаторовъ дѣлами не привелъ къ дробленію функций Сената, къ установленію многихъ различныхъ кассационныхъ истанцій. Изъ всѣхъ возможныхъ способовъ реформы этотъ выходъ изъ затрудненія несомнѣнно былъ бы наиболѣе неудачнымъ, такъ какъ онъ содержитъ въ себѣ *contradictio in adjecto*: задача сената наблюдать за единообразнымъ примѣненіемъ законовъ, а задача эта явно невыполнима при многообразіи сенатовъ. Увеличился, хотя и весьма незначительно, процентъ отмѣненныхъ судебныхъ рѣшеній: въ 1897 году онъ составлялъ 357 по отношенію къ общему числу разсмотрѣнныхъ дѣлъ, а въ отчетномъ году болѣе 36% (по произведенному нами вычисленію—1,846 отмѣненныхъ на общее число 4,914—даже болѣе 37%). Весьма любопытно, что наибольшій процентъ отмѣненныхъ рѣшеній судебныхъ палатъ приходится, между прочимъ, на С.-Петербургскую палату. По мировымъ суд. установленіямъ наибольшій % отмѣненныхъ рѣшеній приходится на Варшавскій судебный округъ (45%), а наименьшій (21%) на округъ Саратовской суд. палаты. И въ этомъ году дѣятельность угол. кассац. департамента рисуется въ совершенно иномъ видѣ: при меньшемъ, нежели въ гражд. департаментѣ, числѣ судебныхъ засѣданій (всего 16 департаментскихъ и 142 отдѣленскихъ) окончено въ 1898 г. 9,213 дѣлъ и остатокъ къ 1 января 1899 г. составляетъ лишь 1833 дѣла, что въ сравненіи съ остаткомъ по гр. департаменту составляетъ очевидно совершенно незначительную величину. Параллельно увеличивающемуся количеству оканчиваемыхъ въ теченіе года дѣлъ (въ 1897 г. окончено было 9,028) уменьшается % отмѣненныхъ приговоровъ. Въ 1897 г. по дѣламъ мировыхъ судебныхъ установлений число отмѣненныхъ приговоровъ по отношенію къ общему числу обжалованныхъ составляло 20% (съ колебаніями отъ 7 до 37%), по дѣламъ общихъ судебныхъ установлений этотъ процентъ выражался цифрой 9½. Въ отчетномъ году для общихъ судебныхъ установлений процентъ понижается до 8¾ (съ колебаніями отъ 3 (!) до 11), а для ми-

ровыхъ—до 16½% (колебался отъ 4% въ Саратовскомъ округѣ до 30% въ Виленскомъ) Если же еще исключить прокурорскіе протесты, то окажется, что процентъ отмѣненныхъ приговоровъ общихъ судебныхъ мѣстъ, обжалованныхъ участвовавшими въ дѣлѣ лицами, составляетъ 5,5 по отношенію къ общему числу поступившихъ жалобъ. Цифры эти давали бы основаніе заключить объ идеальномъ состояніи у насъ уголовного правосудія, но такое заключеніе было бы несомнѣнно слишкомъ поспѣшно, ибо, не говоря уже о невозможности для Сената отнестись съ особой внимательностью къ каждому дѣлу, нельзя еще упускать изъ виду, что въ уголовномъ процесѣ обычное явленіе составляетъ отсутствие защиты.

СУДЕБНЫЕ ОТЧЕТЫ.

Правительствующій Сенатъ.

Засѣданіе угол. касс. департамента
26 октября.

I.

Стакка артеми. 1358¹ ст. ул. о нак.

Приговоромъ Тульского окр. суда крестьяне Ключевъ и Тимошинъ признаны виновными по 1358¹ ст. ул. о нак. въ томъ, что, состоя работниками на цементномъ заводѣ товарищества Гилль, согласившись съ другими работниками прекратить работы на этомъ заводѣ прежде истеченія условленнаго съ содержателями его времени, для того, чтобы принудить хозяевъ къ возвышенію получаемой ими платы, заявили администраціи завода ходатайство объ увеличеніи этой платы и, когда въ такомъ ходатайствѣ имъ было отказано, прекратили работу на заводѣ и ушли съ завода до истеченія срока найма и вновь къ работамъ не приступили, несмотря на требованія полицейской власти.

Разсмотрѣвъ это дѣло по апеллян. жалобѣ подсудимыхъ, Московск. суд. палата нашла, что изъ объясненій, данныхъ окр. суду самими обвиняемыми, усматривается, что прекращеніе работъ на заводѣ послѣдовало по соглашенію всѣхъ членовъ артели, что прекращеніе работъ имѣло своею цѣлью принудить администрацію завода къ возвышенію заработной платы и что работы были прекращены досрочка найма. Если рабочіе и составляли артель, представителями которыхъ являлись двое изъ старшихъ рабочихъ, на имя которыхъ и была выдана расчетная книжка, то изъ сего еще не слѣдуетъ, чтобы отвѣтственность за прекращеніе работъ по соглашенію всей артели до срока найма, и притомъ съ цѣлью принужденія администраціи къ возвышенію заработной платы, не могла быть возложена на всю артель или отдѣльныхъ ея членовъ; если артель, какъ это было въ данномъ случаѣ, поступивъ на заводѣ на опредѣленный срокъ и на извѣстныхъ ей условіяхъ, требуетъ до истеченія срока найма исполненія условій найма, а затѣмъ, не получивъ удовлетворенія, прекращаетъ работы, то въ такихъ ея дѣйствіяхъ, основанныхъ на соглашеніи всѣхъ ея членовъ, имѣются всѣ признаки преступленія стачки¹⁾.

Въ кассационной жалобѣ, принесенной защитникомъ подсудимыхъ, пом. пр. пов. Маклаковымъ, указывается, что для примѣненія 1358¹ ст. должно быть установлено, что обвиняемый рабочій былъ обязанъ съ фабрикой договоромъ найма, а этого не установлено и ни откуда не видно, чтобы рабочіе, и въ томъ числѣ подсудимые, заключили съ фабрикою договоръ найма. Въ дѣйствительности, согласно правиламъ и порядку, фабрика имѣетъ дѣло съ артелью въ 54 чел., состоящей изъ неизвѣстныхъ ей лицъ,

¹⁾ Разборъ этого приговора палаты см. Право № 19, стр. 995.

которые могли поступать и выходить из артели без ее вѣдома, причемъ всѣ денежные расчеты между отдѣльными членами опредѣлялись самою артелью. Отсюда слѣдуетъ, что то „артельное начало“, о которомъ говоритъ палата въ приговорѣ, состоитъ въ томъ, что артель по договору является юридическимъ лицомъ. Артель, какъ юридическое лицо, заключила договоръ, она же его нарушила. Законъ знаетъ только личную ответственность и только за лично совершенное преступленіе; онъ не знаетъ уголовной кары за одну принадлежность къ общественной группѣ, совершившей правонарушеніе; если вся артель остается той же юридической личностью, несмотря на перемѣну въ составѣ ея членовъ, если одна принадлежность къ ней, помимо всякихъ личныхъ договоровъ, дѣлаетъ рабочаго солидарнымъ съ нею, заставляя даже меньшинство подчиняться рѣшенію большинства, то тѣмъ не менѣе законъ, во имя этой принадлежности, не возлагаетъ на него ответственности за распоряженіе, поступки, дѣйствія другихъ. Поэтому, наказаніе подсудимыхъ за дѣйствія артели, какъ юридическаго лица, является нарушеніемъ ст. 1 уст. уг. с.

Во всякомъ случаѣ, здѣсь не можетъ имѣть примѣненіе 1358¹ ст., такъ какъ она выставляетъ существеннымъ признакомъ соглашеніе обвиняемыхъ, по соглашенію между членами артели не только не преступно, но обуславливаетъ самую возможность найма и работы артелью, какъ единственное условіе, при которомъ юридическое лицо такимъ образомъ остается. Только благодаря соглашенію можетъ состояться заключеніе договора, его исполненіе и его нарушеніе. Потому видѣть въ этомъ соглашеніи отягчающій признакъ, какъ требуетъ ст. 1358¹, въ отличіе отъ ст. 54⁴, является нарушеніемъ ст. 51⁴ уст. о нак., 1358¹ ул. о нак., ст. 89 уст. торг. и ст. 137 уст. о пром.

Дѣло докладывалъ сенаторъ Е. Ѳ. де-Росси, заключеніе давалъ оберъ-прокуроръ В. К. Случевскій. Прав. Сенатъ опредѣлилъ жалобу защитника подсудимыхъ Клюева и Тимошина, за силою 912 ст. у. с., оставить безъ послѣдствій.

II.

Право лѣсовладѣльцевъ возбуждать дѣла о самовольныхъ порубкахъ въ ихъ лѣсахъ, въ коихъ рубка воспрещена лѣсоохран. комитетомъ. Ст. 1216³ уст. уг. с.

Владѣлица лѣсовой дачи Ставище, Ставиская возбудила въ гминномъ судѣ обвиненіе противъ Кельма въ самовольной вырубкѣ 10 копъ тонкихъ деревьевъ въ упомянутой дачѣ, въ коей рубка приостановлена по распоряженію Калишскаго лѣсоохранительнаго комитета. Къ разбору дѣла обвинительница не явилась и судъ, по просьбѣ обвиняемаго о прекращеніи дѣла, находя, что дѣяніе, въ коемъ обвиняется Кельмъ, составляетъ проступокъ, предусмотрѣнный 57² ст. уст. о нак. по продолженію 1888 г., и что проступокъ сей, какъ составляющій нарушеніе правилъ положенія о сбереженіи лѣсовъ, не подлежитъ преслѣдованію по жалобамъ частныхъ лицъ, а въ силу 1216³ ст. уст. уг. суд. дѣла сего рода могутъ быть возбуждаемы лишь должностными лицами, уполномоченными лѣсоохранительнымъ комитетомъ, на основаніи 1 п. 1216³ ст. уст. уг. суд., приговорилъ: дѣло по обвиненію Фридриха Эмиля Кельма въ нарушеніи устава лѣснаго, какъ возбужденное не установленнымъ въ законѣ порядкомъ, производствомъ прекратить. Принесенную на этотъ приговоръ Ставиской апелляціонную жалобу мировой съѣздъ 1 окр. Калишск. губ. оставилъ безъ послѣдствій.

Въ кассационной жалобѣ обвинительница указываетъ, что 1216 ст. уст. уг. суд. изд. 1888 г. не имѣетъ примѣненія въ Варш. суд. округѣ, такъ какъ по закону 8 іюня 1898 г. о распространеніи положенія о сбереженіи лѣсовъ на губ. П. Польскаго (собр. узак. № 86 ст. 1084), для означенныхъ губерній

примѣняется лишь примѣчаніе (второе) къ указанной статьѣ, приведенное въ законѣ 8 іюня. Согласно этому примѣчанію, разрѣшается владѣльцамъ лѣсовъ, необремененныхъ сервитутами, привлекать виновныхъ въ лѣсныхъ преступленіяхъ къ уголовной ответственности, безъ всякаго участія или уполномочія лицъ и установленій, поименованныхъ въ 1216³ ст. уст. уг. суд.

Докладывалъ дѣло сенаторъ Г. К. Рѣпинскій, заключеніе давалъ тов. оберъ-прокурора В. Д. Шидловскій. Пр. Сенатъ опредѣлилъ: приговоръ мирового съѣзда по настоящему дѣлу, за нарушеніемъ 42 ст. у. у., отмѣнить, предписавъ съѣзду дать дѣлу законное направленіе.

III.

Обжалованіе постановленій мир. судей о прекращеніи дѣла.

Противъ крестьянина Случика возбуждено было преслѣдованіе у мирового судьи по обвиненію въ порубкѣ казеннаго лѣса въ третій разъ. Въ первый разъ, Случикъ былъ приговоренъ за порубку къ штрафу мировымъ судьей, во второй разъ постановленіемъ лѣсничаго. Мировой судья нашелъ, что законъ 7 апрѣля 1897 г. объ измѣненіи узаконеній, касающихся взысканій за лѣсные проступки, допускаетъ наложеніе денежнаго взысканія на порубщиковъ казеннаго лѣса со стороны лѣснаго вѣдомства два раза; поэтому, приговоръ мирового судьи отъ 8 мая 1897 г., коимъ обвиняемый признанъ виновнымъ въ порубкѣ казеннаго лѣса, при наложеніи взысканія на обвиняемаго со стороны лѣсничаго не можетъ быть принимаемъ въ расчетъ, въ виду чего мировой судья опредѣлилъ: 1, производство по дѣлу прекратить; 2, по вступленіи настоящаго опредѣленія въ законную силу, предѣленный обвинителемъ протоколъ возвратитъ лѣсничему для предварительнаго наложенія взысканія въ административномъ порядкѣ. Апелляціонная жалоба лѣсничаго оставлена была съѣздомъ Кобринско-Пружанскаго округа безъ разсмотрѣнія на томъ основаніи, что опредѣленіемъ мирового судьи разрѣшается только вопросъ о подсудности дѣла, почему опредѣленіе это должно быть признано не подлежащимъ никакому обжалованію со стороны участвующихъ въ дѣлѣ лицъ, и если лѣсничій не согласится съ опредѣленіемъ мирового судьи, то онъ долженъ возбудить пререканіе о подсудности дѣла въ порядкѣ, указанномъ 242 или 243 ст. у. у. с., дѣйствуя въ этомъ случаѣ, какъ административное учрежденіе съ судебными функциями, а не какъ сторона. Въ кассационной жалобѣ управляющаго государственными имуществами Гродненской губ. указывается, что согласно рѣш. гр. к. д-та 1874 г. № 641 и др. указанное опредѣленіе мир. судьи должно считаться приговоромъ и подлежить обжалованію въ ап. порядкѣ и что съѣздъ не привелъ въ своемъ опредѣленіи ни мотивовъ, ни законовъ, которыми онъ руководствовался.

Дѣло докладывалъ сенаторъ Г. К. Рѣпинскій. Заключеніе давалъ оберъ-прокуроръ В. К. Случевскій. Пр. Сенатъ опредѣлилъ приговоръ Кобринско-Пружанскаго мирового съѣзда по настоящему дѣлу, за нарушеніемъ 168 ст. у. у. с., отмѣнить, предписавъ съѣзду дать дѣлу законное направленіе.

IV.

Недозволенная рубка лѣса. Ст. 57² уст. о нак.

Лѣсовладѣлецъ Захарьяшевичъ привлеченъ былъ къ ответственности за произведенную имъ рубку лѣса вопреки послѣдовавшему распоряженію лѣсоохранительнаго комитета и, признанный виновнымъ приговоромъ мир. судьи, подвергнутъ денежному взысканію по стоимости срубленныхъ деревьевъ и штрафу по таксѣ. По апелляціонной жалобѣ обвиняемаго, мировой съѣздъ Овручскаго суд. мирового округа

отмѣнилъ приговоръ судьи и призналъ Захарьяшевича по суду оправданнымъ на такихъ основаніяхъ, что ни протоколомъ полиціи, ни показаніями допрошенныхъ по дѣлу свидѣтелей не установлено, что вырубка показанныхъ въ протоколѣ деревьевъ произведена лично обвиняемымъ Захарьяшевичемъ или, по его распоряженію, другими лицами, въ виду чего при неотрицаніи обвинителемъ, что лѣсъ рубили и другія лица самовольно, и въ силу 15 ст. уст. у. с. обвиняемый не можетъ подлежать отвѣтственности по 57² ст. уст. о нак.

На этотъ приговоръ управляющей государ. имущ. Вольнской губ. принесъ кассационную жалобу, въ коей указываетъ, что буквальное примѣненіе 15 ст. уст. у. с. не всегда можетъ имѣть примѣненіе къ нарушителямъ лѣсоохр. закона. Хотя при обсужденіи этого закона гос. совѣтъ и призналъ несправедливымъ подвергать лѣсоохр. въ всякомъ случаѣ за порубку штрафу, возложивъ отвѣтственность на дѣйствительно виновныхъ лицъ, но подъ „дѣйствительными виновниками проступковъ“, какъ можно заключить изъ изложенныхъ въ журналѣ совѣта 18 февраля 1888 года соображеній, онъ имѣлъ въ виду не всѣхъ непосредственныхъ участниковъ нарушения, а лишь лицъ, распорядившихся совершеніемъ его и имѣвшихъ по своимъ отношеніямъ къ имѣнію, гдѣ это нарушеніе произведено, право дѣлать подобныя распоряженія, если бы они не запрещались законами, или же лицъ, къ обязанности которыхъ относится наблюденіе за охраною лѣса, т. е. лѣсовладѣльцевъ и ихъ повѣренныхъ. На этомъ основаніи, лѣсовладѣлецъ Захарьяшевичъ долженъ подлежать отвѣтственности по 57² ст. уст. о нак. не только за рубку деревьевъ, совершенную имъ самимъ, но и за рубки, произведенныя частными лицами самовольно, такъ какъ эти послѣднія рубки въ настоящемъ случаѣ являются результатомъ недостаточной охраны лѣса со стороны лѣсовладѣльца Захарьяшевича.

Дѣло докладывалъ сенаторъ Г. К. Рѣпинскій. Заключение давалъ оберъ-прокуроръ В. К. Случевскій. Пр. Сенатъ опредѣлилъ жалобу управления государственнымъ имуществами Вольнской губ., за силою 174 ст. у. с., оставить безъ послѣдствій.

Гражданскій кассационный департаментъ.

Засѣданіе 19 октября.

I.

Подлежитъ ли разсмотрѣнію въ кассаци. порядкѣ жалоба на приостановленіе суд. пал. дѣла объ утвержденіи дух. завѣщанія по 1066¹³ ст. X т. 1 ч. (рѣшеніе гр. к. д-та 1884 г. № 103). Приостанавливаетъ ли предъявленіе иска о недѣйствительности дух. завѣщанія утвержденіе завѣщанія во всемъ объемѣ или только въ оспоренной части?

Разсмотрѣвъ ходатайство повѣреннаго гр. Потоцкой и гр. Гаттенбургъ объ утвержденіи въ охр. порядкѣ дух. завѣщанія ихъ матери гр. Дороты Млодецкой, Кіевскій окр. судъ 12 декабря 1896 г. постановилъ: „въ виду предъявленнаго иска о признаніи духовнаго завѣщанія Млодецкой недѣйствительнымъ, утвержденіемъ завѣщанія приостановиться впредь до разрѣшенія означеннаго иска“. По частной жалобѣ повѣреннаго просительницы, Кіевская суд. палата нашла: 1) что, на осн. 1066¹³ ст. 1 ч. X т., когда возникнетъ споръ противъ завѣщанія до утвержденія такового къ исполненію, утвержденіе завѣщанія оглашается до разрѣшенія спора; 2) что статья эта не дѣлаетъ различія между споромъ противъ завѣщанія въ полномъ объемѣ и споромъ противъ части завѣщанія; 3) что, такимъ образомъ, искъ противъ части завѣщанія несомнѣнно останавливаетъ утвержденіе завѣщанія къ исполненію во всемъ его объемѣ, и 4) что иначе быть не можетъ, ибо въ противномъ случаѣ судъ, утвердивъ завѣщаніе въ безспорныхъ частяхъ, за-

тѣмъ, при отказѣ въ искѣ, долженъ былъ бы вновь утверждать завѣщаніе въ остальныхъ частяхъ, т. е. пришлось бы допустить утвержденіе завѣщанія въ охранительномъ порядкѣ по частямъ и въ нѣскольکو пріемовъ, а такого дробленія производства объ утвержденіи завѣщанія законъ не предусматриваетъ. Поэтому, судебная палата признала опредѣленіе суда правильнымъ и жалобу оставила безъ послѣдствій.

На это опредѣленіе повѣренный гр. Потоцкой и гр. Гаттенбургъ принесъ касс. жалобу, въ которой указывается, между прочимъ; 1) что, въ силу выставленнаго палатою начала, всякій желающій сбрънать съ наслѣдника по завѣщанію нѣвѣстную сумму отсутствующую очень легко можетъ достигнуть цѣли на законномъ основаніи, предъявляя хотя бы самый нелѣпый искъ, какъ это и практикуется иногда шантажетами sui generis; 2) что приостановленіе утвержденія завѣщанія предписано законодательствомъ исключительно ради огражденія правъ лицъ, прѣдъявившаго споръ, коего интересы утвержденіемъ завѣщанія могутъ быть нарушены. Поэтому, основное правило ст. 4 и 706 уст. гр. суд., находящее притомъ полное подтвержденіе и въ ст. 1029, 1066² и 1066³ т. X ч. 1, должно быть принято въ основаніе и при толкованіи, и примѣненіи ст. 1066¹³. Ст. 1066¹³ прямо предписываетъ суду „не входить въ разсмотрѣніе“ распоряженій завѣщателей не оспоренныхъ и не подходящихъ подъ случаи, указанные въ ст. 1066², „наблюдая только за соблюденіемъ въ составѣ завѣщанія установленныхъ закономъ формъ“. Смысль этой статьи, очевидно, тотъ, что завѣщательныя распоряженія: 1) не оспоренныя и 2) не подходящія подъ запрещенія предшествующей ст. 1066² подлежатъ утвержденію, такъ какъ для неутвержденія такихъ законныхъ и никѣмъ не оспоренныхъ распоряженій нѣтъ ни малѣйшаго основанія. Ст. 1066³ и ст. 1029, 1066⁹, 1066¹⁰ въ связи съ ст. 1066¹¹ прямо указываютъ не только на возможность, но и на необходимость утвержденія завѣщанія по частямъ. Первая инстанція, напр., утверждаетъ завѣщаніе въ одной части, а въ утвержденій другой части отказываетъ, о чемъ и дѣлаетъ надпись согласно ст. 1066⁹, а по частной жалобѣ палата можетъ признать подлежащимъ утвержденію и часть завѣщанія, не утвержденную судомъ, а сенатъ въ случаѣ жалобы на опредѣленіе палаты (каковыя жалобы по разъясненію Сената въ кассаци. рѣш. за 1884 г. № 103 допускаются) можетъ признать подлежащимъ утвержденію еще какую-либо часть завѣщанія, не утвержденную палатою, и вотъ является неизбежность утвержденія завѣщанія въ нѣсколько пріемовъ „по частямъ“.

То же неизбежное утвержденіе завѣщанія по частямъ представляется въ случаѣ утвержденія части завѣщанія въ охранительномъ порядкѣ (ст. 1029 т. X ч. 1), а остальной части въ порядкѣ судебномъ, по ст. 1066¹¹ т. X ч. 1.

Но если бы даже въ законодательствѣ дѣйствительно не было предусматрѣно утвержденіе завѣщанія „по частямъ“, то, все-таки, судъ обязанъ былъ бы самъ допустить подобное утвержденіе въ силу ст. 9 уст. гражд. суд., руководствуясь общимъ смысломъ законовъ и неизбежностью, и безусловной необходимостью такой мѣры ради высшей идеи справедливости, и въ силу самой сущности дѣла.

Дѣло докладывалъ сенаторъ Ф. И. Шмелевъ. Заключение давалъ и. о. тов. оберъ-прокурора Е. А. Пушкинъ. Со стороны графини Млодецкой выступилъ прис. пов. Кнольцъ.

Пр. Сенатъ опредѣлилъ: опредѣленіе палаты отмѣнить въ отношеніи приостановленія утвержденія духовнаго завѣщанія гр. Млодецкой въ частяхъ, неоспоренныхъ искомъ гр. Млодецкаго, за нарушеніемъ 1066¹³ ст. т. X ч. 1, и дѣло передать въ другой департаментъ той же палаты; въ остальныхъ частяхъ просьбу оставить безъ послѣдствій.

II.

Opus probandi ex istis de extinctioe arendiarum contractuum no 1100 st. ust. gr. суд.

Правление Спб.-Тульского позем. банка предъявило въ Виленскомъ окружномъ судѣ искъ къ Герловскимъ о признаніи ничтожнымъ договора на аренду семи квартиръ, заключеннаго 19 апрѣля 1892 г. б. собственникомъ дома Поповымъ со Станиславомъ Герловскимъ и переказаннаго симъ послѣднимъ по надписи отъ 13 мая 1893 г. Александрѣ Герловской. Искъ этотъ, предъявленный на основаніи 1100 ст. уст. гр. суд., былъ удовлетворенъ окр. судомъ на томъ основаніи, что договоръ аренды былъ заключенъ 19 апрѣля 1892 г., т. е. послѣ просрочки владѣльцемъ заложеннаго банку имущества Поповымъ слѣдовавшаго банку платежа на 1 января 1892 г. Независимо отъ сего, судъ призналъ доказаннымъ, что договоръ отъ 19 апрѣля 1892 г. заключенъ ко вреду приобретателя заложеннаго имущества С.-Петербургско-Тульского поземельнаго банка, ибо этотъ договоръ, обусловливая получение Поповымъ годовой арендной платы впередъ, тѣмъ самымъ уже лишилъ банкъ возможности получения слѣдующихъ за квартиры платежей по 23 апрѣля 1894 г.

По апелляціонной жалобѣ отвѣтчиковъ, суд. палата, разсмотрѣвъ дѣло, нашла, что включеніе въ договоръ условія объ уплатѣ аренды за годъ впередъ, само по себѣ, еще не доказываетъ, чтобы договоръ клонился ко вреду истца, ибо такое условіе могло быть включено въ договоръ и при несомнѣнной выгодности его для истца. Принимая же во вниманіе, что при отсутствіи вреда, положительно истцомъ доказаннаго, договоры по найму имущества, заключенные должникомъ послѣ полученія повѣстки объ исполненіи или просрочки слѣдующихъ банку платежей, должны оставаться въ силѣ (рѣш. кас. деп. Прав. Сената 1880 г. № 199, 1873 г. № 1681), что при такихъ условіяхъ къ признанію помянутаго выше договора ничтожнымъ нѣтъ достаточныхъ оснований, суд. палата въ искѣ Спб.-Тульскому позем. банку отказала.

На это рѣшеніе повѣренный истца принесъ кассационную жалобу

1100 ст. уст. гр. суд. вовсе не имѣетъ въ виду, чтобы примѣненіе ея зависѣло отъ того, направлены ли все условія договора ко вреду приобретателя. Достаточно, чтобы договоръ вообще клонился ко вреду взыскателя или приобретателя. Подъ такимъ же вредомъ законъ—какъ это многократно разъяснено Сенатомъ—понимаетъ обезцѣненіе имѣнія или лишеніе доходовъ съ имѣнія на продолжительное время: Вопросъ о томъ: ведетъ ли къ обезцѣненію имѣнія или къ лишенію доходовъ на продолжительное время полученіе впередъ платы за треть срока, на который имѣніе сдано въ аренду, не подвергался и не подлежитъ сомнѣнію. А въ такомъ случаѣ невозможно никакое предположеніе даже о выгоды договора для интересовъ приобретателя.

Дѣло докладывалъ сенаторъ Г. П. Монастырскій. Заключение давалъ и. о. тов. оберъ-прокурора Е. А. Пушкинъ. Со сторовъ банка явился въ засѣданіе частный пов. Троцкій.

Пр. Сенатъ опредѣлилъ: рѣшеніе Виленск. с. п. по нарушенію 366, 339 и 711 ст. уст. гр. суд. отмѣнить и дѣло передать для новаго разсмотрѣнія въ друг. депарг. той же палаты.

III.

Искъ къ душеприказчику по духовному завѣщанію о возвращеніи полученнаго имъ въ свое распоряженіе имущества, оставшагося отъ завѣщательныхъ распоряженій.

Жена чиновника Фанарджева предъявила искъ къ тайному совѣтнику Тройницкому, основанный на томъ обстоятельстве, что Тройницкій, будучи душеприказчикомъ по духовному завѣщанію умер-

шей Дивовой, безъ надлежащаго основанія получилъ не вошедшую въ составъ духовнаго завѣщанія часть имущества умершей, заключающуюся въ наличныхъ деньгахъ 16,335 руб. 23½ коп. и въ долговой роспискѣ Маевского на 1,500 руб., и, выдавъ истицѣ, утвержденной въ правахъ наслѣдства къ не вошедшему въ составъ духовнаго завѣщанія Дивовой имуществу сей послѣдней, лишь 1,000 рублей, уклонился отъ передачи истицѣ остальныхъ денегъ и долговой росписки.

Судебная палата, разсматривая дѣло по апелляціонной жалобѣ на рѣшеніе окр. суда, нашла, что утвержденіе истицы, будто бы деньги и росписка получены Тройницкимъ безъ надлежащаго основанія, должно быть признано опровергнутымъ, ибо означенное имущество было передано ему различными учреждениями, въ коихъ имущество это хранилось, по разсмотрѣннн дух. завѣщанія Дивовой установленною закономъ 1401 и слѣд. ст. уст. гр. суд. властью для охраненія открывшагося наслѣдства, на предметъ распределенія онаго согласно волѣ завѣщательницы. Объясненія истицы, основанныя на толкованіи духовнаго завѣщанія, по точному смыслу котораго наличныя деньги и долговыя обязательства должны быть признаны, по мнѣнію истицы, оставшимися въ завѣщательныхъ распоряженіяхъ, не могутъ быть обсуждаемы въ настоящемъ дѣлѣ по иску, предъявленному къ душеприказчику, а не къ тѣмъ лицамъ, которыя получили отъ него, какъ отъ душеприказчика, завѣщанные, по его мнѣнію, Дивовою капиталы, такъ какъ вопросъ о томъ, дѣйствительно ли лица, получившія эти деньги, имѣютъ право на нихъ по завѣщанію, касаясь ихъ интереса, можетъ быть основательно обсужденъ лишь по возраженіямъ этихъ лицъ въ случаѣ къ нимъ иска или исковъ, и если по такимъ искамъ будетъ признано, что они получили деньги неправильно, и что лица сіи не наслѣдники по завѣщанію Дивовой, и если они засимъ не возвратятъ полученные ими капиталы и окажутся не въ состояніи возвратить оныя, то лишь тогда возникаетъ отвѣтственность передъ истицею душеприказчика Тройницкаго, согласно разъясненію Правительствующаго Сената 1879 года № 134; искъ къ Тройницкому представляется преждевременнымъ еще и потому, что если даже признатъ правильнымъ то, положенное въ его основаніи, соображеніе истицы, что Тройницкій неправильно получилъ и выдалъ деньги и росписку лицамъ, коимъ таковыя не завѣщаны, то прежде, чѣмъ онъ ихъ получилъ, послѣдовало на полученіе ихъ распоряженіе компетентной власти—мирового судьи, а послѣ того деньги и росписка получены лицами, не имѣющими на то, по мнѣнію истицы, права, слѣдовательно, Тройницкій является, такъ сказать, въ серединѣ, посредствующимъ звеномъ, и если онъ нанесъ убытки, то первымъ по времени лицомъ, нанесшимъ эти убытки, является мировой судья, распорядившійся о выдачѣ денегъ и росписки Тройницкому, какъ душеприказчику, а послѣдними лицами, нанесшими убытки, являются лица, неправильно ихъ получившія, и, слѣдовательно, если съ сихъ послѣднихъ не представится возможности получить обратно, то только тогда наступитъ время взыскивать съ Тройницкаго. По этимъ основаніямъ палата опредѣлила: въ искѣ жены чиновника Фанарджевой къ тайному совѣтнику Тройницкому по преждевременности отказать.

На это рѣшеніе повѣренный истицы прис. пов. Лемпертъ принесъ кассационную жалобу, въ которой указываетъ, что ст. 691 даетъ право отыскать отъ всякаго, завладѣвшаго чужимъ имуществомъ, а если бы такового не оказалось уже у неправого владѣльца, то ст. 684 даетъ право отыскать убытки отъ всякаго лица, нанесшаго таковыя. Достаточно доказать, что такое-то лицо нанесло убытки потерпѣвшему, чтобы имѣть право присужденія ихъ съ этого лица, согласно 684 ст.

Судебная палата установила, что изъ наличныхъ денегъ, отыскиваемыхъ отъ Тройницкаго, были удержаны 6,246 р. 99 к. въ уплату наследственной пошлины и 291 р. 60 к. удержаны производившимъ охрану судебнымъ приставомъ, но не привела никакихъ соображеній, почему эти суммы не подлежать взысканію съ Тройницкаго, и въ то же время ни въ одномъ изъ послѣдующихъ пунктовъ не указала на возможность или необходимость предъявленія къ кому-либо иска относительно этихъ суммъ.

Нельзя было судебной палатѣ признать настоящій искъ преждевременнымъ, при установленіи судебной палатой невозможности предъявленія иска къ лицамъ, коимъ были выданы деньги Тройницкимъ, по недостаточности представленныхъ имъ данныхъ для выясненія личностей отвѣтчиковъ по будущимъ искамъ.

Дѣло докладывалъ сенаторъ А. Л. Боровиковскій. Заключение давалъ и. о. тов. оберъ-прокурора Е. А. Пушкинъ. Въ засѣданіе явились прис. пов. Леонтьевъ и Турчаниновъ.

Пр. Сенатъ опредѣлилъ: рѣшеніе Спб. с. п. по нарушенію 339 и 711 ст. уст. гр. суд. стмѣнить и дѣло передать для новаго разсмотрѣнія въ другой Департ. той же палаты.

IV.

Допустимость допроса свидѣтелей въ споръ бланконадписателя и наследника векселя о безденежности протестованныхъ векселей при налицности признанія истца, что векселя получены не за денежную валюту.

Повѣренный купца фонъ-Беннигсена, пр. пов. Зейберлингъ, представивъ въ Спб. окр. судъ 8 мая 1896 г. пять векселей на 6,300 р. каждый, выданныхъ ген.-адъют. Борисомъ Глинка-Мавринымъ на имя отст. полковника Николая Глинка-Маврина, съ нотаріально-засвидѣтельствованными бланковыми надписями послѣдняго, просилъ по этимъ векселямъ взыскать съ бланконадписателя Николая Глинка-Маврина и наследницы векселедателя, гр. Ефимовской, безраздѣльно 31,500 руб. съ % и издержками судебными, за веденіе дѣла и расходами по протесту векселей.

Отвѣтчикъ Глинка-Мавринъ предъявилъ къ Беннигсену встрѣчный искъ (въ суммѣ главнаго иска), требуя возвращенія векселей, какъ безденежныхъ, причемъ объяснилъ, что векселя эти онъ передалъ Беннигсену лишь какъ своему повѣренному, для учета ихъ въ банкъ или для полученія добровольнаго платежа отъ гр. Ефимовской. Повѣренный гр. Ефимовской также поддерживалъ возраженіе о безденежномъ переходѣ векселей къ истцу. Въ подтвержденіе своихъ объясненій отвѣтчики сослались на записанный суд. слѣдователемъ показанія Беннигсена (въ качествѣ свидѣтеля) по возбужденному уголовному дѣлу о присвоеніи векселей, гдѣ Беннигсенъ призналъ, что векселя онъ получилъ отъ Глинка-Маврина не за денежную валюту, а въ вознагражденіе за труды и расходы, понесенные имъ при исходатайствованіи въ пользу Глинка-Маврина концессіи на устройство трамвая въ г. Лодзи; въ разное время Глинка-Мавринъ будто бы выдавалъ Беннигсену росписки, всего на сумму около 30,000 р., а потомъ замѣнили ихъ векселями своего покойнаго отца, передавъ ихъ ему по бланковой надписи. Поэтому, они просили окр. судъ допросить указанныхъ ими свидѣтелей въ разъясненіе того: 1) дѣйствительно ли Глинка-Мавринъ выдалъ истцу въ іюнь 1895 г. три росписки на 30,000 р.; 2) дѣйствительно ли эти росписки были Беннигсеномъ возвращены Глинка-Маврину въ обмѣнъ на векселя, и для какой цѣли послѣдніе были выданы, и 3) дѣйствительно ли, что когда Глинка-Мавринъ узналъ о предъявленіи настоящаго иска, то требовалъ прекращенія его, и Беннигсенъ соглашался прекратить дѣло.

Окружный судъ нашелъ, что всѣ соображенія отвѣтчиковъ о невозможности полученія Беннигсеномъ вознагражденія за мнимыя хлопоты по дѣлу, всѣ цифровыя выкладки о денежныхъ отношеніяхъ сторонъ, выводимыя изъ сопоставленія писемъ Беннигсена къ Глинка-Маврину, — являются лишь предположеніями, болѣе или менѣе вѣроятными, но въ дѣлѣ нѣтъ такихъ несомнѣнныхъ данныхъ, которые могли бы привести судъ къ убѣжденію въ безденежномъ переходѣ векселей отъ отвѣтчика къ истцу. Допросъ же свидѣтелей по ссылкѣ отвѣтчиковъ судъ нашелъ недопустимымъ, въ виду рѣшеній гражд. касс. деп. Прав. Сената 1871 г. № 724, 1874 г. №№ 432 и 89, 1875 г. № 566 и др., и потому искъ Беннигсена удовлетворить, а во встрѣчномъ искѣ Глинка-Маврину отказать.

На это рѣшеніе повѣренные отвѣтчиковъ, пр. повѣренные Биновичъ и Войцеховскій принесли ап. жалобу. Судебная палата согласилась съ выводомъ суда о недопустимости опроверженія свидѣтелями дѣйствительности бланковыхъ надписей, засвидѣтельствовавшихся нотаріусомъ. По закону передача векселя по бланку предполагается валютной, и чтобы признать векселя полученными валюты, т. е. не переданными за валюту, надо опровергнуть это законное предположеніе. На основаніи 284 ст. уст. суд. торг., свидѣтельскія показанія не допускаются тамъ, гдѣ законъ требуетъ письменныхъ доказательствъ, а потому допросъ свидѣтелей въ подтвержденіе того, что вексель переданъ лишь въ обезпеченіе учета векселя другого лица, безъ валюты, не можетъ быть допущенъ. Находя поэтому рѣшеніе окружнаго суда правильнымъ и считая излишнимъ входить въ разсмотрѣніе всѣхъ прочихъ доводовъ сторонъ, судебная палата утвердила рѣшеніе суда.

Въ кассационнѣй жалобѣ повѣренные отвѣтчиковъ просятъ объ отмѣнѣ рѣшенія палаты, указывая, между прочимъ, что такъ какъ векселя Беннигсена не принадлежатъ къ актамъ, засвидѣтельствованнымъ установленнымъ порядкомъ, то къ нимъ примѣнимы общія постановленія закона о домашнихъ актахъ, относительно происхожденія которыхъ законъ разрѣшаетъ допрашивать свидѣтелей, и вообще въ законѣ ничего не говорится о томъ, чѣмъ можно доказывать безденежность векселей. Въ рѣшеніи гражд. касс. деп. под № 499/1875 г. сказано, что „одно признаніе подлинности акта тѣмъ лицомъ, противъ котораго онъ представленъ, не лишаетъ тяжагося права доказывать свидѣтельскими показаніями несоотвѣстность содержанія акта дѣйствительности“. Отвѣтчики указывали на свидѣтелей, какъ на дополнительное доказательство къ письменнымъ актамъ, а спросъ свидѣтелей при такихъ условіяхъ представляется вполне законнымъ, такъ какъ обстоятельства, о которыхъ должны быть спрошены свидѣтели, не могутъ быть удостовѣрены письменными документами.

Докладывалъ дѣло сенаторъ Ф. И. Шмелевъ, заключеніе давалъ и. о. тов. оберъ-прокурора Е. А. Пушкинъ. Въ засѣданіе явились прис. пов. Биновичъ, Войцеховскій и Зейберлингъ.

Пр. Сенатъ опредѣлилъ: жалобу оставить безъ послѣдствій.

Варшавская судебная палата.

Оскорбленіе дѣйствіемъ инспектора гимназіи ученикомъ.

14 октября Варшавская судебная палата разсматривала въ качествѣ второй инстанціи, по апелляціи защиты, дѣло бывшаго воспитанника V класса Ченстоховской гимназіи Дунина-Вонсовича, обвиняемаго въ оскорбленіи дѣйствіемъ и. д. инспектора той же гимназіи г. Рѣдко. Обстоятельства этого дѣла, разбиравшагося въ первой инстанціи въ Петровскомъ окружномъ судѣ въ декабрѣ 1897 г., заключаются въ слѣдующемъ. Вонсовичъ перевелся въ

Ченстоховскую гимназію изъ Варшавы и пробывъ въ ней съ сентября 1896 г. по 18 февраля 1897 г., когда и былъ уволенъ за оскорбленіе инспектора. По показаніямъ директора и преподавателей гимназіи, Вонсовичъ первое время занимался и велъ себя вполнѣ удовлетворительно, но затѣмъ сталъ нарушать школьную дисциплину: опаздывалъ на уроки, неспокойно велъ себя въ классѣ, особенно на урокахъ французскаго языка. Инспекторъ подвергалъ Вонсовича болѣе или менѣе суровымъ взысканіямъ, не соображаясь съ постепенностью ихъ. 15 февраля инспекторъ объявилъ Вонсовичу въ классѣ, что за куреніе табаку въ зданіи гимназіи и неспокойное поведеніе на урокѣ французскаго языка онъ подвергаетъ его двѣнадцатичасовому аресту,—наказанію, по словамъ директора, почти не практикующемуся въ гимназіи. Вонсовичъ заявилъ инспектору, что боленъ.—“Э, глупости!” возразилъ инспекторъ.—“Нѣтъ, это не глупости!” рѣзко отвѣтилъ Вонсовичъ. Инспекторъ сдѣлалъ ему замѣчаніе за рѣзкій тонъ и назвалъ его “осломъ”. Вонсовичъ жилъ въ квартирѣ у преподавателя гимназіи Добровольскаго, который показало, что 15 февраля Вонсовичъ за обѣдомъ ничего не ѣлъ, такъ какъ былъ взволнованъ названіемъ “оселъ”, даннымъ ему инспекторомъ. Онъ заявилъ свидѣтелю, что не желаетъ подчиниться несправедливому рѣшенію инспектора. Свидѣтель замѣтилъ Вонсовичу, что въ данномъ случаѣ нечего разсуждать, а слѣдуетъ безрекословно исполнить требованіе инспектора. Въ воскресенье, 16 февраля, Вонсовичъ изъ костела отправился въ гимназію, гдѣ его заперли въ нетопленномъ классѣ и продержали безъ пищи до вечера. Домой Вонсовичъ вернулся съ головою болью и озябшіи. На-завтра въ гимназію онъ не пошелъ и прислалъ докторское свидѣтельство о болѣзни. 18 февраля инспекторъ, встрѣтивъ Вонсовича во время перемѣны въ корридорѣ, спросилъ его: “Ну что, выздоровѣлъ?” Вонсовичъ отвѣтилъ, что боленъ и не знаетъ, что дѣлать съ собой. Замѣтивъ, что Вонсовичъ взволнованъ и, по-видимому, ищетъ повода къ скандалу, инспекторъ посоветовалъ ему идти домой. На слѣдующемъ урокѣ Вонсовича не было. Во время второй перемѣны стоявшаго въ передней гимназіи инспектора кто-то ударилъ въ лѣвое ухо. Бывшіе возлѣ инспектора ученики заявили, что инспектора ударилъ Вонсовичъ, который на ихъ глазахъ снялъ съ себя поясъ и, ударивъ инспектора, убѣжалъ. Домой Вонсовичъ пришелъ настолько взволнованный, что квартирная хозяйка (жена преподавателя Добровольскаго) сочла его не въ своемъ умѣ. Успокоившись, онъ заявилъ ей, что ударилъ “этого подлога чловѣка”. Въ тотъ же день постановленіемъ педагогическаго совѣта Вонсовичъ былъ уволенъ изъ гимназіи безъ права поступленія въ какое бы то ни было учебное заведеніе.

На судѣ директоръ гимназіи высказалъ мнѣніе, что происшествіе съ Вонсовичемъ было дѣломъ случая: не встрѣтъ въ тотъ день инспекторъ Вонсовича, ничего бы и не было. Вонсовичъ, по словамъ директора, мальчикъ неровнаго характера, и на него можно вліять только силою слова. Классный наставникъ считаетъ Вонсовича болѣзненнымъ; онъ былъ всегда привѣтливъ и съ товарищами жилъ въ согласіи. Супруги Добровольскіе показали, что Вонсовичъ всегда былъ предупредителенъ, иногда онъ забрасывалъ учебныя книги ради чтенія, во при первомъ же замѣчаніи брался за приготовленіе уроковъ. На предварительномъ слѣдствіи Вонсовичъ, отрицая свою виновность, заявилъ, что былъ очень оскорбленъ словомъ “оселъ” и насмѣшливымъ вопросомъ инспектора о здоровьѣ; отомстить ему онъ и не думалъ, а какъ нанесъ ударъ—не помнить. Судъ призналъ Вонсовича виновнымъ въ преступленіи, предусмотрѣнномъ ст. 395 ул. о нак., и приговорилъ къ двухмѣсячному тюремному заключенію безъ лишенія правъ.

14 октября въ Варшавской судебной палатѣ товарищъ прокурора поддерживалъ обвиненіе и, руководясь тѣми же мотивами, какіе имѣлъ въ виду Петроковскій окружный судъ, требовалъ утвержденія приговора.

Защитникъ Вонсовича, прис. пов. Пепловскій, обратилъ вниманіе палаты на то, что окружный судъ самъ колебался, примѣнять ли въ данномъ случаѣ ст. 395 ул. о нак., трактующую о подчиненномъ, нанесшемъ оскорбленіе дѣйствіемъ своему начальнику. Защитникъ просилъ палату примѣнить къ Вонсовичу ст. 285 ул. о нак., принявъ также во вниманіе уже понесенное имъ тяжкое наказаніе, навсегда лишшающее его возможности учиться въ учебныхъ заведеніяхъ Имперіи. Судебная палата послѣ получасоваго совѣщанія вынесла резолюцію, отмѣняющую приговоръ первой инстанціи, приговорила Станислава Дунина-Вонсовича, 15-ти лѣтъ, на основ. ст. 285 ул. о нак., къ двухнедѣльному аресту на военной гауптвахтѣ. (Р. Вѣд.)

Хроника.

Министръ юстиціи, статсъ-секретарь Н. В. Муравьевъ возвратился изъ Крыма въ Петербургъ и вступилъ въ управленіе министерствомъ.

Правительствующій Сенатъ разъяснилъ, что въ ст. 51 пол. о зем. учр. (т. II св. зак. изд. 1892 г.) ничего не говорится о томъ, чтобы **земскіе гласные отъ сельскихъ обществъ** избирались непременно волостными сходами изъ среды ихъ членовъ, какового требованія не заключалось и въ соображеніяхъ законодательной власти при обсужденіи и изданіи упомянутаго закона, въ виду чего всѣ лица крестьянскаго сословія извѣстной волости могутъ быть избираемы волостными сходами въ земскіе гласные вѣ въ всякой зависимости отъ того обстоятельства, состоятъ ли они или не состоятъ членами означенныхъ сходовъ. (Указъ 7 октября № 10421).

Пр. Сенатомъ разъяснено, что **содержаніе пролегающихъ черезъ города частей почтовыхъ дорогъ** должно относиться на тѣ же вѣдомства, изъ средствъ котораго содержится и самая дорога, причѣмъ содержаніе частей дорогъ, пролегающихъ черезъ городъ, обязательно для этихъ вѣдомствъ лишь въ томъ видѣ, въ которомъ содержится вся дорога, всякое же сверхъ того приспособленіе этихъ дорогъ къ потребностямъ городскихъ улицъ, какъ то прокладка трубъ, проложеніе троттуаровъ и т. д., должно относиться, согласно ст. 2 и 138 гор. пол., на счетъ города. (Ук. 25 сентября № 9928).

Пр. Сенатъ разъяснилъ, что земскимъ собраніямъ предоставляется **освобожденіе отъ наложенія пеней или сложенія** уже числящихся на плательщикахъ земскихъ сборовъ за несвоевременный взносъ оныхъ во всѣхъ случаяхъ, когда земство признаетъ это справедливымъ, такъ какъ пеня за несвоевременный взносъ земскихъ сборовъ, по существу своему, является своего рода карою для плательщиковъ земскихъ сборовъ и потому освобожденіе отъ оной очевидно требуетъ обсужденія со стороны земства всѣхъ обстоятельствъ,

вызвавших неисправность плательщика, а потому не может быть поставлена в зависимость лишь от того, в какой степени поступление сих пеней может быть признано благонадежным или самое начисление оных правильным. (Ук. 25 сентября № 9935).

Переоценка отдѣльных имуществъ въ городахъ допускается, независимо отъ переоценки всѣхъ недвижимыхъ имуществъ, въ случаѣ измѣненія даннаго имущества вслѣдствіе перестроекъ или улучшеній. (Указъ 7 октября № 10420).

По дѣлу Снитскихъ указы Харьковской и Кіевской судебнымъ палатамъ, съ препровожденіемъ въ послѣднюю подлиннаго дѣла отосланы изъ уголовн. д-та Правит. Сената въ пятницу, 29 октября.

„Полт. Губ. Вѣд.“ подтверждаютъ, что **дѣло бр. Снитскихъ** будетъ слушаться въ Кременчугѣ и, вѣроятно, въ послѣднихъ числахъ ноября. На-дняхъ туда былъ командированъ кіевской судебной палатой товарищъ прокурора, которымъ было осмотрѣно помѣщеніе уѣзднаго сѣзда, въ которомъ предполагаются засѣданія. Залъ этотъ невысокъ и сравнительно мало вмѣстительнъ. Для публики можетъ быть предоставлено не больше 60-ти мѣстъ при условіи, если первыя двѣ скамьи будутъ заняты свидѣтелями.

28 октября происходили **выборы** въ кандидаты на должность **предсѣдателя** петербургскаго **коммерческаго суда**. Изъ пяти баллотировавшихся лицъ, первыми кандидатами избраны тов. предсѣдателя А. Г. Гувиць и членъ комм. суда В. П. Мансветовъ.

Между министерствами финансовъ и внутреннихъ дѣлъ послѣдовало соглашеніе по вопросу объ измѣненіи дѣйствующаго **порядка открытія новыхъ ярмарокъ**, закрытія, перенесенія въ другія мѣстности и измѣненія срока существующихъ ярмарокъ. На основаніи п. 7 ст. 83 полож. о земск. учрежд. постановленія земскихъ собраній по этому рода дѣламъ подлежатъ утвержденію министромъ внутреннихъ дѣлъ, причемъ послѣдній, по установившемуся порядку, входитъ въ предварительное сношеніе по этимъ вопросамъ съ министерствомъ финансовъ. Въ тѣхъ же губерніяхъ, въ которыхъ не введено положеніе о земскихъ учрежденіяхъ, разрѣшеніе ходатайства объ открытіи ярмарокъ срокомъ не свыше одной недѣли предоставлено власти губернатора, въ остальныхъ же случаяхъ постановленіе губернатора утверждается министромъ внутреннихъ дѣлъ (ст. 331 общ. губ. учрежд.). Въ настоящее время министерства финансовъ и внутреннихъ дѣлъ, въ видахъ упрощенія порядка разрѣшенія вопросовъ о ярмаркахъ, предполагаютъ внести въ Государственный Совѣтъ представленіе объ измѣненіи вышеупомянутыхъ статей полож. о земск. учрежд. и общ. губерн. учрежд. въ томъ смыслѣ, чтобы разрѣшеніе этого рода вопросовъ было предоставлено губернаторамъ по соглашенію съ управляющими казенными палатами и чтобы только въ случаѣ отсутствія такого соглашенія дѣла эти восходили на совместное разрѣшеніе министровъ финансовъ и внутреннихъ дѣлъ.

„Русскія Вѣд.“ сообщаютъ, что въ предстоящемъ 1900 году состоится **сѣздъ представителей русскихъ исправительныхъ заведеній** для рѣшенія вопроса объ устройствѣ центрального пріюта для трудно исправимыхъ и не исправившихся въ существующихъ заведеніяхъ, но выпущенныхъ на свободу по достиженіи ими 18-лѣтняго возраста.

Судебные уставы Императора Александра II вводятся къ Квантунской области съ 20 декабря 1899 года.

По словамъ газетъ, проектъ правилъ о **выкупѣ сервитутныхъ правъ** въ привислинскихъ губерніяхъ вносится министерствомъ внутреннихъ дѣлъ въ Государственный Совѣтъ.

Въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ возбужденъ вопросъ о реорганизаціи **занятій городскихъ думъ** на подобіе занятій земскихъ учреждений. Городскія управы будутъ дѣйствовать постоянно; вмѣсто ежемѣсячныхъ думскихъ засѣданій предполагается созывать гласныхъ на опредѣленную сессию, въ теченіе которой должны быть разсмотрѣны всѣ приготовленные городской управой въ теченіе года доклады. Проектируемая мѣра объясняется тѣмъ, что при непрерывности думскихъ засѣданій управы не имѣютъ времени для составленія докладовъ и разрѣшенія текущихъ дѣлъ (Кр. Вѣстн.).

Какъ сообщаютъ газеты, возбужденъ вопросъ объ установленіи на будущее время особаго **третейскаго суда** для разбора споровъ и недоразумѣній въ промышленно-техническихъ предпріятіяхъ.

Проектъ реорганизаціи сословій министерствомъ внутреннихъ дѣлъ намѣченъ въ общихъ чертахъ; болѣе же подробная разработка его будетъ производиться въ теченіе нынѣшней зимы. Подробно разработанный проектъ поступитъ на разсмотрѣніе совѣщанія, въ которомъ примутъ участіе представители различныхъ вѣдомствъ, и затѣмъ уже проектъ поступитъ въ Государственный Совѣтъ. Преобразование коснется не только ремесленнаго и мѣщанскаго обществъ, но и купеческаго. Вмѣсто этихъ трехъ сословій проектируется учредить одно подъ названіемъ городского сословія. Всѣ дѣла по управленію этими сословіями предполагается сосредоточить въ городскихъ общественныхъ управленіяхъ, къ которымъ перейдутъ всѣ сборы, поступающіе нынѣ въ мѣщанскія, ремесленныя и купеческія управы, на городскія же общественныя управленія лягутъ и заботы по содержанію различныхъ благотворительныхъ учреждений, содержимыхъ нынѣ тремя названными сословіями. (Народъ).

Въ началѣ іюля къ волостному старшинѣ въ Висимонтанскомъ заводѣ явилась съ жалобой на сына вдова Соколова и просила дать ему **розги** за то, что онъ не хочетъ разойтись съ своею законною женою и прійти жить къ матери. Въ день суда въ волости никого не было, кромѣ сторожа и сотскаго, да квартиранта Соколовой. Старшина, въ присутствіи этихъ

лицъ, долго уговаривалъ сына Соколова оставить жену, но тотъ наотрѣзъ отказался. Тогда старшина самъ, съ помощью вышеназванныхъ лицъ, разложили Соколова, сѣлъ ему на шею, заворотилъ руки назадъ и приказалъ сотскому и сторожу давать розги. Дѣло это передано земскому начальнику; старшина уволенъ отъ должности. Соколовъ же послѣ этого около 3 недѣль пролежалъ въ больницѣ. (Перм. Губ. Вѣд.).

Тѣлесное наказаніе практикуется въ Юрьевскомъ уѣздѣ даже и за простой невзносъ волостныхъ сборовъ. Такъ, на-дняхъ, по словамъ „Почтнмесь“, за это одинъ крестьянинъ Лунианской волости былъ подвергнутъ наказанію розгами. Исполненіе приговора волостного суда послѣдовало въ Юрьевѣ при полиційскомъ участкѣ. (Южн. Кр.).

Въ только что закрывшуюся сессію Старобѣльскаго уѣзднаго земскаго собранія состоялось постановленіе о возбужденіи передъ правительствомъ ходатайства объ отмѣнѣ **тѣлеснаго наказанія**. (Ниж. Лист.).

„Южн. Кр.“ пишутъ изъ Корочи, что на очередной сессіи уѣзднаго земскаго собранія, происходившей съ 9 по 14 октября нынѣшняго года, гласный Д. П. Алферовъ представилъ докладъ, въ заключеніе къ которому предлагалъ возбудить **ходатайство объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія** для крестьянъ. Предложеніе это принято собраніемъ единогласно и постановлено возбудить это ходатайство черезъ Курское губернское земство.

Гласный-крестьянинъ Новоторжскаго (Твер. губ.) земства С. Е. Скурловъ просилъ ходатайствовать: 1) объ **уравненіи правъ крестьянскаго сословія** съ прочими въ томъ смыслѣ, чтобы для гласныхъ-крестьянъ не требовалось утвержденія губернатора. „Я стѣняюсь—говорилъ гласный—иногда высказывать свое мнѣніе въ собраніи, чтобы не услышать обвиненія, что мы—не независимые представители населенія, а лица, присланные въ собраніе губернаторомъ“; 2) объ увеличеніи крестьянскаго представительства въ земствѣ путемъ избранія гласныхъ-крестьянъ по 1 отъ каждой волости и по 1 кандидату; 3) о допущеніи непосредственнаго участія въ земскихъ владѣльческихъ избирательныхъ собраніяхъ крестьянъ, владѣющихъ земскимъ ценомъ въ 225 дес. Собраніе постановило возбудить эти ходатайства, а также приняло предложеніе Скурлова о новомъ возбужденіи ходатайства объ **освобожденіи крестьянскаго населенія уѣзда отъ тѣлеснаго наказанія**, такъ какъ прежнее ходатайство о томъ же не было допущено до обсужденія въ Тверскомъ губ. собраніи, вопреки желаніямъ большинства губ. гласныхъ, обжаловавшихъ такое распоряженіе предсѣдателя. („Сиб. В.“).

Октябрская сессія Пермскаго окружнаго суда съ участіемъ присяж. засѣдателей въ г. Перми ознаменовалась инцидентомъ слѣдующаго характера. Въ числѣ очередныхъ присяж. засѣдателей былъ нѣкто г. С., чиновникъ Пермскаго отдѣленія госуд. банка. Въ первый же день сессіи въ судъ поступило заявленіе управля-

ющаго отдѣленіемъ, въ которомъ онъ просить освободить г. С. отъ **исполненія обязанностей присяж. засѣдателя** въ виду того, что онъ завѣдуетъ въ банкѣ цѣнностями вмѣсто другого чиновника, временно командированнаго въ Омскъ. Окружный судъ не нашелъ эту причину уважительной и въ ходатайствѣ управляющаго отказался. На другой день управляющій своего подчиненнаго не „отпустилъ“ въ судъ для исполненія его гражданской обязанности и даже суду заявилъ, что онъ г. С. „освободить“ не можетъ. Окружный судъ постановилъ: прис. засѣдателя С. за неявку подвергнуть штрафу въ 50 руб., а о дѣйствіяхъ управляющаго Пермскимъ отдѣленіемъ государственнаго банка сообщить прокурору суда.

27-го октября въ Тамбовскомъ окружномъ судѣ слушалось дѣло по обвиненію трехъ татаръ, дворянъ Чанышевыхъ, въ убійствѣ сестры одного и тетки другого и двухъ ея дочерей и въ поджогѣ дома съ цѣлью устранить взысканіе ея въ 2,000 руб. съ имущества отца. Присяжные признали всѣхъ безусловно виновными. Судъ, въ составѣ товарища предсѣдателя Озерова, членовъ князя Ухтомскаго и Гостева, признавъ подсудимыхъ **осужденными кѣвинко**, на основаніи 818 ст. у. у. с., перевесъ дѣло на новый составъ присяжныхъ.

Въ Ставропольской губерніи, какъ слышалъ „Тифл. Л.“, въ ближайшемъ времени введенъ будетъ въ дѣйствіе **судъ присяжныхъ**.

Что касается ходатайства города Екатеринодара о введеніи того же порядка судопроизводства въ предѣлахъ Кубанской области, то вопросъ этотъ, равно какъ и вопросъ о введеніи присяжныхъ засѣдателей въ окружныхъ судахъ Закавказскаго края, отложенъ впредь до утвержденія въ законодательномъ порядкѣ проекта, выработаннаго учрежденной при министерствѣ юстиціи комиссіей по пересмотру дѣйствующихъ въ Россіи судебныхъ уставовъ.

Списки **присяжныхъ засѣдателей** по г. Иркутску уже составлены оцѣночнымъ отд. город. управы по имущ. и по доходному цензамъ (купцы); первыхъ—836 человекъ, вторыхъ—93. Такое количество лицъ, могущихъ быть присяжными засѣдателями, заставляетъ, по словамъ „В. Об.“, думать, что въ скоромъ времени въ Сибири будетъ введена эта реформа.

С.-ПЕТЕРБУРГСКОЕ ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО.

Административное отдѣленіе.

Засѣданіе 23 октября было посвящено докладу дѣйствительнаго члена общества В. М. Гессена: „О придаточности первоначальнаго обученія“.

Докладчикъ подробно остановился на исторіи придаточности начальнаго образованія въ западной Европѣ и Россіи.

Народное образованіе дѣло XIX вѣка. Государства стараго порядка мало интересовались народнымъ образованіемъ, не сдѣлали для него почти ничего и по своему представленію о задачахъ государства, о той

роли, которую можно предоставить подданнымъ, наконецъ по самой своей структурѣ (*tout pour le peuple, rien par le peuple*) не нуждались въ поднятіи уровня народнаго образованія. Наоборотъ, вопросъ о народномъ образованіи — одинъ изъ наиболѣе жизненныхъ вопросовъ для современнаго государства, которое, при осложнившихся задачахъ управления и суда, оказалось вынужденнымъ предоставить населенію широкую долю участія въ государственномъ управленіи.

Въ исторіи наблюдается двоякаго рода отношеніе государства къ народному образованію. Во первыхъ, государственная власть можетъ всецѣло предоставить школьное дѣло частной инициативѣ, содѣйствуя распространенію начальныхъ школъ путемъ денежныхъ субсидій, и во вторыхъ, можетъ дѣйствовать путемъ принужденія, требуя отъ своихъ подданныхъ посѣщенія школъ. Классическимъ примѣромъ государства, послѣдовательно придерживавшагося первой системы, представляется Англія. До послѣднихъ политическихъ реформъ, замѣнившихъ аристократическія учрежденія старой Англіи учрежденіями демократическаго характера, англійское правительство, строго придерживаясь либеральной теоріи государственнаго невмѣшательства, ограничивало свое участіе въ дѣлѣ народнаго образованія денежною поддержкою тѣхъ школъ, которыя удовлетворяли извѣстнымъ, установленнымъ въ законѣ требованіямъ. Но обнаруживавшаяся на практикѣ полная несостоятельность этой системы, въ особенности относительно начального образованія, повела къ тому, что и Англія перешла къ системѣ государственнаго принужденія къ посѣщенію начальныхъ школъ.

Перейдя затѣмъ къ различнымъ существующимъ на практикѣ видамъ принужденія, докладчикъ провелъ различіе между мѣрами косвеннаго и прямаго принужденія къ посѣщенію школъ. Къ первымъ докладчикъ отнесъ тѣ законодательные акты, которые связывали съ образованіемъ извѣтнаго рода выгоды или съ отсутствіемъ его извѣстный ущербъ, напр. фабричное законодательство, льготы по отбыванію воинской повинности, лишеніе безграмотныхъ активныхъ политическихъ правъ, и т. п. Нельзя отрицать, что такого рода косвенное принужденіе можетъ принести значительную пользу дѣлу народнаго образованія, но такіа мѣры во всякомъ случаѣ недостаточны, и почти всѣ государства практически пришли къ непосредственному принужденію, установивъ принципъ обязательности начального обученія. Прежде, чѣмъ этотъ принципъ восторжествовалъ, ему пришлось выдержать весьма серьезную борьбу какъ съ клерикальными теченіями, такъ и съ либерализмомъ. На западѣ церковь оказала весьма энергическое сопротивленіе вмѣшательству государства въ дѣло народнаго образованія. Въ этомъ отношеніи въ совершенно особенныхъ условіяхъ находится Россія, гдѣ церковь не врагъ государства, и гдѣ поэтому церковная школа является его покорнымъ слугою. У насъ возраженія противъ церковной школы исходятъ не изъ оппозиціи ея государству, а изъ недостатковъ постановки самаго преподаванія въ церковно-приходскихъ школахъ.

Въ настоящее время принципъ обязательности начального обученія обогатилъ весь свѣтъ, и его не признають, кромѣ Россіи, лишь Бельгія (подъ влияніемъ католической партіи), Голландія и нѣкоторые

Штаты Сѣверной Америки. Впрочемъ, и въ Россіи обязательность обученія существуетъ въ двухъ губерніяхъ (Эстляндской и Курляндской), но лишь для лютеранскаго населенія. Кромѣ того, законъ повсемѣстно устанавливаетъ обязанность евреевъ давать образованіе дѣтямъ (ст. 966 зак. сост.), но на практикѣ этотъ законъ остается мертвою буквою, и на дѣлѣ ни одинъ классъ населенія не встрѣчаетъ такихъ препятствій къ полученію образованія, какъ именно еврей.

Затѣмъ, докладчикъ перешелъ къ юридическому анализу обязательнаго обученія. Субъектомъ обязанности являются родители, опекуны и т. д. Уполномоченный субъектъ — государство, а не сами малолѣтніе. Объектъ этого права конструируется двояко: или обязательность обученія конструируется, какъ обязанность обучать дѣтей вплоть до усвоенія ими опредѣленнаго минимума знаній или какъ обязанность посылать дѣтей въ школу въ теченіе опредѣленнаго числа лѣтъ (школьный возрастъ). Въ пользу первой конструкціи говорить ей кажущаяся простота, но она весьма трудно приложима на практикѣ, и всѣ государства Европы пришли къ установленію опредѣленнаго школьнаго возраста, обыкновенно отъ 6 или 7 лѣтъ до 9 или 16. Наименьшая продолжительность школьнаго возраста существуетъ въ Испаніи и Италіи — отъ 6 до 9 лѣтъ, — наибольшая въ Цюрихѣ — отъ 6 до 16 лѣтъ.

Являясь весьма могучимъ факторомъ въ дѣлѣ распространенія образованія, обязательность его сама по себѣ, конечно, не въ состояніи его обезпечить. Необходимы предварительными условіями для самой возможности установленія обязательности образованія является достаточное количество школъ и бесплатное образованіе. Обязанности содержать необходимое число школъ всѣми государствами возлагается на общины, причемъ государство приходитъ имъ иногда на помощь, беря на себя часть расходовъ (обыкновенно не больше $\frac{1}{2}$, и лишь Франція $\frac{2}{3}$). Что же касается платы за ученіе въ начальныхъ школахъ, то въ виду того, что при обязательности обученія она не можетъ разматриваться какъ плата за оказываемую государствомъ услугу, она должна быть конструируема лишь какъ налогъ, въ пользу справедливости котораго нельзя привести рѣшительно никакихъ доводовъ, и всѣ государства пришли или къ полной бесплатности обученія, или свели эту плату къ абсолютно ничтожнымъ размѣрамъ (Швеція — 26 коп. въ годъ).

Въ Россіи попытки установить обязательное обученіе появляются съ Петра Великаго, его попытки, конечно, не привели ни къ какимъ практическимъ результатамъ, равно какъ и составленный въ 1770 г., по порученію Императрицы Екатерины II, проектъ по прусскому образцу.

При Николаѣ Павловичѣ были попытки насажденія обученія среди удѣльныхъ и государственныхъ крестьянъ, но въ общемъ можно сказать, что въ дореформенной Россіи для дѣла начального народнаго образованія ничего не было сдѣлано.

Въ этомъ отношеніи колоссальною является заслуга земства передъ Россіею; оно снабдило Россію такимъ количествомъ школъ, что вскорѣ послѣ введенія земства уже возникаетъ возможность перейти къ вопросу о введеніи обязательнаго обученія. Въ семидесятыхъ годахъ

въ этомъ смыслѣ возникаетъ не мало проектовъ въ министерствѣ народнаго просвѣщенія; инспекторы народныхъ училищъ многократно запрашиваются о возможности введенія обязательности обученія, и отзывы ихъ въ громадномъ большинствѣ случаевъ даются въ благопріятномъ смыслѣ. Въ восьмидесятыхъ годахъ интересъ къ этому дѣлу падаетъ, и во всеподданнѣйшемъ отчетѣ министра народнаго просвѣщенія за 1884 г. говорится о томъ, что введеніе обязательности обученія невозможно, такъ какъ повело бы къ чрезмѣрному напряженію экономическихъ силъ страны.

Въ настоящее время процентъ грамотности въ Россіи сравнительно съ государствами Западной Европы необыкновенно малъ. Однимъ недостаткомъ школъ объяснить этого нельзя: по расчетамъ земской статистики отдаленностью школъ обуславливается лишь 12% всѣхъ непосѣщеній; не меньшій процентъ даетъ и отрицательное отношеніе населенія къ школамъ,—въ особенности, къ обученію дѣвочекъ. Поэтому одного увеличенія числа школъ недостаточно: необходимо установить обязательность обученія.

И если люди, несомнѣнно обладавшіе административнымъ опытомъ, 25 лѣтъ тому назадъ считали обязательность обученія практически у насъ осуществимою, то, конечно, она осуществима и теперь.

При этомъ было бы, конечно, большою ошибкою вводить ее повсемѣстно единымъ законодательнымъ актомъ: слишкомъ разнообразны условія постановки школьнаго дѣла въ разныхъ мѣстностяхъ. Поэтому необходимо, чтобы законъ лишь уполномочилъ министра нар. пр. разрѣшать, по ходатайству мѣстнаго земства, вводить обязательность обученія въ отдѣльныхъ губерніяхъ.

В. М. Устиновъ, возражая докладчику, замѣтилъ, что ближайшею мѣрою, необходимою для того, чтобы двинуть дѣло народнаго образованія, врядъ ли является установленіе обязательности его. Незачѣмъ насильно гнать въ школу тѣхъ, кто стремится въ нее и не имѣетъ возможности въ нее попасть. Наличныя школы не въ состояніи вмѣстить всѣхъ желающихъ; необходимо прежде всего увеличить число ихъ.

В. М. Грибовскій присоединился къ мнѣнію *В. М. Устинова* о томъ, что ближайшею задачею является именно увеличеніе числа школъ.

М. М. Боровитиновъ указалъ, что установленіе уголовныхъ наказаній за непосѣщеніе школъ врядъ ли у насъ возможно: по даннымъ земской статистики 12% непосѣщеній обуславливаются отсутствіемъ школъ, 35%—бѣдностью; за непосѣщеніе, обуславливаемое такими причинами, наказывать нельзя.

Г. Фальборкъ высказался противъ системы обязательности обученія не только въ Россіи, но и вообще. По его мнѣнію, принудительность можетъ принести дѣйствительную пользу только при наличности совершенно исключительныхъ условій. Обязательность образованія приноситъ дѣйствительную пользу въ Соед. Шт. Сѣв. Америки, гдѣ все общество настолько было воспитано въ сознаніи необходимости учиться, что въ парламентахъ нѣкоторыхъ Штатовъ законы объ обязательномъ обученіи принимались единогласно. Къ тѣмъ лицамъ, которые въ такомъ обществѣ не посылаютъ дѣтей въ школу, можно примѣнять уголовныя наказанія. Мы не только не доросли до сознанія обя-

зательности обученія, но она при неприноровленности школы къ населенію и его племеннымъ особенностямъ можетъ привести къ ряду самыхъ нежелательныхъ явленій. Но и при этой неприноровленности народъ ломится въ школы, и надо прежде всего увеличить ихъ число.

Н. И. Лазаревскій замѣтилъ, что наши губерніи часто представляютъ слишкомъ большое разнообразіе условій, чтобы можно было предоставить лишь губернскому земству инициативу введенія обязательности обученія. Ему извѣстны случаи, когда объ этомъ просили отдѣльныя сельскія общества. И имъ можно было бы предоставить это право.

Возражая своимъ оппонентамъ, *В. М. Гессенъ* замѣтилъ, что онъ и не думалъ отрицать значенія численности школъ, какъ фактора народнаго образованія; но въ его задачу вовсе не входило исчерпать вопросъ о первоначальномъ образованіи: онъ ограничился разсмотрѣніемъ вопроса объ обязательности его. Но и по существу онъ не можетъ согласиться съ тѣми, кто отводитъ въ дѣлѣ народнаго образованія началу принудительности лишь второстепенную роль и настаиваютъ на его несвоевременности для Россіи: существуютъ страны—Италія, Пруссія,—гдѣ установленіе обязательности являлось не вѣнцомъ, а началомъ дѣла. Вполнѣ соглашаясь съ тѣмъ замѣчаніемъ, что далеко не всякое непосѣщеніе школы можетъ быть караемо, докладчикъ думаетъ, что установленіемъ ряда изыятій можно привести и уголовную санкцію къ должнымъ границамъ. Что касается замѣчанія о нежелательности примѣненія начала обязательности къ тѣмъ школамъ, которыя преслѣдуютъ политическія и національныя цѣли, то прежде всего нежелательны самыя такія школы.

Резюмируя пренія, *К. К. Арсеньевъ* указалъ на то, что по существу докладъ вызвалъ общее сочувствіе, и что единственнымъ принципиальнымъ его противникомъ является г. Фальборкъ.

Недостатокъ школъ у насъ дѣйствительно очень великъ; даже тамъ, гдѣ существуютъ самая неблагоприятная для школъ національная и друг. условія, школы все таки переполнены. Поэтому увеличеніе числа школъ является, конечно, первою потребностью народнаго образованія; но тѣ, кто думали видѣть въ этомъ возраженіе докладчику, были неправы, такъ какъ въ числѣ выставленныхъ имъ положеній достаточное количество школъ указано, какъ необходимое предварительное условіе для осуществимости обязательности обученія. Несомнѣнно, что въ настоящее время ближайшею задачею въ школьномъ дѣлѣ является увеличеніе числа школъ, затѣмъ необходимо измѣнить ихъ характеръ, устранивъ политическія и національныя задачи, теперь навязываемыя школамъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ несомнѣнно выступаетъ на очередь установленіе обязательности обученія, ибо полагаться на одно желаніе народа учиться невозможно. Что же касается возраженія *М. М. Боровитинова*, указывавшаго на то, что при существующихъ причинахъ непосѣщенія школъ примѣненіе уголовныхъ наказаній является совершенно безцѣльнымъ, то нельзя не замѣтить, что при установленіи всеобщности и обязательности обученія процентъ непосѣщеній, относимыхъ къ тѣмъ или другимъ причинамъ, долженъ существенно

измѣниться. Къ тому же самое назначеніе наказанія за непосѣщеніе школы, независимо отъ примѣненія наказанія, можетъ оказать извѣстное вліяніе.

По вопросу о томъ, кому было бы цѣлесообразнѣ всего предоставить ходатайство о введеніи обязательности обученія въ данной мѣстности, К. К. Арсеневъ полагаетъ, что наиболѣе подходящимъ для этого органомъ должно быть признано уѣздное земство, какъ ближе стоящее къ народному образованію.

Библіографія.

Журналъ Министерства Юстиціи 1899 г. № 8.

А. Л. Боровиковскій въ чрезвычайно интересной и живо написанной статьѣ подвергаетъ критику выработанный комиссіей по составленію гр. уложенія законопроектъ объ улучшеніи положенія незаконнорожденных дѣтей. Центральнымъ пунктомъ этой критики являются допускаемые проектомъ иски о материнствѣ и объ отцовствѣ. Не соглашаясь съ проектомъ, авторъ приходитъ къ выводу о нежелательности допущенія исковъ о материнствѣ на томъ основаніи, что такіе иски не принесутъ практической пользы: нельзя заставить мать любить дитя, требованіе же объ алиментахъ „злая мать, противъ которой такой искъ только и мыслимъ, всегда можетъ отклонить лицемернымъ согласіемъ на попеченіе о ребенкѣ въ натурѣ“. Съ другой стороны, на почвѣ такихъ исковъ возможенъ шантажъ, „можно, пожалуй, добыть и искусственное материнство: вполнѣ невиновной женщинѣ угрожаютъ ужаснымъ процессомъ“. Это соображеніе, хотя само по себѣ совершенно правильно, едва ли имѣетъ рѣшающее значеніе; если бы законодатель призналъ для себя необходимымъ исходить изъ этого соображенія, то въ уголовномъ правѣ пришлось бы, пожалуй, отказаться отъ каранія многихъ преступныхъ дѣяній: шантажъ возможенъ и несомнѣнно случается на почвѣ обвиненія въ изнасилованіи, ростовщичествѣ, вовлеченіи въ невыгодную сдѣлку и т. п. Нельзя также согласиться и съ соображеніемъ о практической безплодности: не говоря о томъ, что едва ли не важнѣйшая задача закона—психическое воздѣйствіе, авторъ обходитъ здѣсь молчаніемъ практическую важность полученія наслѣдства. Правда, онъ указываетъ, что завѣщательнымъ распоряженіемъ мать, по проекту, можетъ устранить вѣщрачное дитя отъ наслѣдованія, но отсюда можно сдѣлать совершенно иной выводъ—о необходимости измѣнить это именно правило, а не отвергать искъ о материнствѣ, который, съ точки зрѣнія гуманности и справедливости, не можетъ быть отвергаемъ закономъ. По вопросу о допущеніи исковъ объ отцовствѣ проектъ исходитъ изъ понятія вѣщрачнаго родства. „Отцомъ вѣщрачного дитя почитается мужчина, который въ промежутокъ времени, когда должно было произойти зачатіе ребенка, имѣлъ съ матерью половое сношеніе, развѣ бы онъ доказалъ, что мать въ указанное время имѣла половое сношеніе и съ другимъ“. Г. Боровиковскій предлагаетъ иную конструкцію: „искъ долженъ быть не о признаніи отвѣтчика дѣйствительнымъ отцомъ, а о выисканіи съ него денегъ на томъ основаніи, что онъ могъ быть отцомъ ребенка“; „содержать ребенка должны всѣ тѣ лица, которымъ возможно приписать зачатіе“. Иначе говоря, авторъ предлагаетъ разсматривать обязанность отца, какъ *obligatio ex delicto*, т. е. вернуться къ той точкѣ зрѣнія, которая нынѣ оставлена и большинствомъ европ. законодательствъ и юр. ли-

тературой (см. объ этомъ „Право“ № 7, с. 373). Авторъ полагаетъ, что при предлагаемой проектомъ конструкціи судъ можетъ оказаться вынужденнымъ признать явную нецѣлостность: напримѣръ, признать бѣлаго отцомъ негритенка, рожденнаго внѣ брака отъ бѣлой женщины. Едва ли, однако, изъ приведенной статьи можно было бы сдѣлать такой выводъ, если съ физиологической точки зрѣнія признаніе даннаго лица отцомъ представляется невозможнымъ. Во всякомъ случаѣ, для устраненія подобныхъ недоразумѣній достаточно было бы дополнить проектъ правиломъ 1717 ст. германск. уложенія: „фактъ доказаннаго полового сношенія не принимается во вниманіе, если по обстоятельствамъ случая представляется очевидно невозможнымъ, чтобы зачатіе матерью ребенка произошло отъ этого именно совокупленія“.

Статья Я. А. Канторовича „Клятва по современнымъ ученіямъ“ начинается съ историческаго обзора теорій, посвященныхъ этому вопросу. Авторъ полагаетъ, что „начало этой критикѣ института клятвы было дано Кантомъ... Законодательство, прибѣгающее къ присягѣ, говоритъ онъ, какъ къ средству добыть правдивыя показанія, ищетъ себѣ помощи не въ истинной религіи, а въ суевѣрїи, и понудительно содѣйствуетъ поддержанію въ народѣ этого суевѣрїя“. Точно также отрицательно отнесся къ клятвѣ и Фихте. Современные противники клятвы основываютъ свои аргументы на принципахъ современнаго государственнаго строя, признавая клятву несомнѣстимою съ свободой совѣсти и личности. За отбѣну присяги энергично высказался и Листъ. „Не лучше ли быть искреннимъ,—говоритъ онъ,—и откровенно сказать: присяга была когда-то краеугольнымъ камнемъ всей правовой жизни, теперь же она только рудиментъ, пустая фраза, изъ которой оживляющая мысль давно уже исчезла... теперь вѣра въ святость присяги есть только *faible convention*, которой мы вѣримъ, или вѣрнѣе притворяемся, что вѣримъ—только ради удобства“. Но клятва продолжаетъ пользоваться защитой многихъ авторовъ. „Отбѣна присяги,—говоритъ Штекль,—явится откровеннымъ признаніемъ, что общество не вѣритъ больше въ Бога... Такимъ образомъ, одна мысль отбѣнить присягу является ужасной; она тѣмъ ужаснѣе, что ей нельзя найти аналогій во всей исторїи“... Послѣ очерка мнѣній, исходящихъ изъ диаметрально-противоположныхъ взглядовъ, нѣсколько неожиданнымъ является выводъ автора, что „анализируя эти доводы, нельзя не согласиться и съ противниками и съ сторонниками присяги. И тѣ, и другіе—правы“... Повидимому, авторъ считаетъ возможнымъ такое примиреніе въ виду того, „что центръ тяжести въ вопросѣ о присягѣ лежитъ именно въ ея цѣли“. Но вѣдь цѣль не оправдываетъ средства. Цѣль приведенія людей къ присягѣ была всегда ясна, вопросъ лишь въ томъ, возможно ли, въ силу особенностей присяги, прибѣгать къ ней для достиженія этой цѣли. Поэтому остается непонятнымъ, какимъ образомъ оказываются правы и тѣ, кто считали возможнымъ прибѣгать къ этому средству и отказъ отъ него признавали чѣмъ-то ужаснымъ, и тѣ, кто полагаютъ, что и съ религіозной, и съ государственной точекъ зрѣнія непозволительно требовать отъ людей присяги.

Далѣе авторъ обращается къ вопросу о юридической природѣ клятвеннаго преступленія. Авторъ присоединяется ко взгляду Листа, признающаго лжеприсягу преступленіемъ, направленнымъ противъ порядка управленія, а въ частности противъ правосудія. Этому воззрѣнію придерживаются и составители нашего проекта уголовного уложенія.

Самой обширной статьѣ этой книжки „Журнала“ является статья В. Е. Бѣлинскаго „Основной предпринимательскій капиталъ съ точки зрѣнія современнаго акціонернаго законодательства“. Авторъ очень много писалъ по вопросамъ акціонернаго права, едва ли

не во всѣхъ нашихъ юридическихъ періодическихъ изданияхъ. Авторъ пользуется при этомъ очень обширной литературой, у него безусловно много знаний и по вопросамъ исторіи акціонерныхъ компаній и по вопросамъ дѣйствующихъ законодательствъ, но онъ рѣшительно не можетъ совладать съ этимъ матеріаломъ, такъ что читатель не выноситъ никакого впечатлѣнія изъ чтенія этихъ статей, да и автору рѣшительно не удается дать что либо опредѣленное и цѣльное: статья кажется сотканной изъ отдѣльныхъ частей, подъ влияніемъ того или другого источника составленныхъ. Статья слишкомъ велика для того, чтобы исчерпать ея содержаніе, но и духъ трехъ примѣровъ достаточно для иллюстраціи нашихъ словъ. Авторъ начинаетъ съ утвержденія, что „однимъ изъ важныхъ преимуществъ акціонерной формы предпріятій слѣдуетъ считать возможность въ нихъ измѣнять“ капиталъ, между тѣмъ едва ли могутъ быть какія либо сомнѣнія въ томъ, что въ этой формѣ предпріятія неизмѣнность капитала болѣе значительна, чѣмъ въ какой либо другой формѣ, что частью видно и изъ послѣдующаго изложенія автора. Излагая происхожденіе ст. 215а германской акціонерной новеллы 1884, авторъ говоритъ, что первоначально предполагалось ограничить право компаній увеличивать капиталъ посредствомъ выпуска акцій ниже ихъ номинальной цѣны въ теченіе первыхъ двухъ лѣтъ существованія компаній, но затѣмъ ограниченіе было отброшено. Это, говоритъ авторъ, „произошло вслѣдствіе того, что двухгодичный срокъ слишкомъ стѣснителенъ для предпріятія.“ Между тѣмъ совершенно понятно, что если быль отброшенъ этотъ ограничительный срокъ, то стѣсненіе для акціонерныхъ компаній оказалось еще болѣе значительнымъ и было это сдѣлано не въ видахъ облегченія дѣятельности компаній. И самъ авторъ страницей ниже по другимъ источникамъ совершенно правильно передаетъ содержаніе ст. 215а.

Въ „Замѣткахъ изъ судебной практики“ г. И. Денисовъ останавливается на разныхъ толкованіяхъ, возбуждаемыхъ на практикѣ примѣненіемъ 1164 ст. уст. уг. суд., согласно которой „по дѣламъ казеннаго управленія, всѣ мѣры пресѣченія обвиняемымъ способомъ уклоняться отъ слѣдствія и суда, за исключеніемъ взятія подъ стражу, замѣняются поручительствомъ или залогомъ въ суммѣ, равной денежному взысканію, къ уплатѣ коего можетъ быть приговоренъ обвиняемый“. Онъ находитъ, что если при постановленіи судебного приговора по дѣламъ о нарушеніи уставовъ казеннаго управленія поручитель или залогодатель не изъявили своего согласія на дальнѣйшую отвѣтственность, то при уклоненіи затѣмъ обвиняемаго отъ суда впредь до приведенія надъ нимъ приговора въ исполненіе, нарушитель или залогодатель не могутъ подлежать имущественной отвѣтственности. Въ другой замѣткѣ авторъ разбираетъ подеудность дѣлъ объ оскорбленіяхъ помощниковъ волостныхъ старшинъ въ Прибалтійскихъ губерніяхъ. Наконецъ, въ третьей авторъ касается примѣненія 62 ст. уст. о нак., согласно которой за отлучку за границу безъ взятія паспорта виновные подвергаются, независимо отъ внесенія установленнаго сбора, денежному взысканію не выше тройной за паспортъ платы. По мнѣнію автора, основаніемъ къ исчисленію налагаемаго по 62 ст. штрафа должна быть плата лишь за годовой или полугодовой паспортъ, смотря по времени пребыванія за границей безъ паспорта, а если пребываніе это продолжалось болѣе года, и хотя бы нѣсколько лѣтъ, то плата лишь за годовой паспортъ.

Въ хроникѣ обращаетъ на себя вниманіе перепечатанное изъ „Кіевлянина“ „открытое письмо графу Л. Н. Толстому“ за подписью „старого судьи“. Письмо это представляетъ горячую, прочувствованную защиту судебного вѣдомства отъ „хотя спокойной, но

тѣмъ не менѣ послѣдовательно проведенной въ романѣ „Воскресеніе“ насмѣшки надъ современнымъ судомъ“. За исключеніемъ одного диссонанса—мы говоримъ объ указаніи на то, что „суд. дѣятели не позволяютъ себѣ мечтать о такомъ уголкѣ, какъ Ясная Поляна“,—письмо написано весьма красиво и отчетливо отмѣчаетъ достоинство и заслуги нашего новаго суда, на который возложена, фактически подчасъ непосильная у насъ, задача водворенія правды и законности.

Новинкою журнала являются „письма изъ Парижа“ адвоката при парижскомъ судѣ Ш. Ламбера. Темою первого письма служитъ законъ объ отвѣтственности собственниковъ промышленныхъ предпріятій за несчастія съ рабочими во время работы. Наши читатели уже знакомы съ этимъ закономъ по письму изъ Парижа, напечатанному въ № 37 „Права“.

Въ замѣткѣ „Паспортныя правила въ Царствѣ Польскомъ“ г. Андреевъ излагаетъ уже знакомую читателямъ „Права“ исторію паспортнаго законодательства въ Царствѣ Польскомъ („Права“ № 8, стр. 390—395) и подробно останавливается на имѣющемъ огромное практическое значеніе вопросѣ, въ какомъ порядкѣ, судебномъ или административномъ, должны налагаться взысканія за нарушеніе правилъ „Инструкціи о составленіи, веденіи и содержаніи книгъ народонаселенія въ городскихъ и сельскихъ гминахъ“, причемъ весьма убѣдительно доказываетъ, что, вопреки установившейся практикѣ, эти взысканія, по точному смыслу закона, могутъ налагаться лишь судами.

Въ небольшой замѣткѣ „Еще о крестьянскомъ дворѣ“ проф. Гуляевъ отвѣчаетъ на тѣ возраженія противъ его статьи „Крестьянскій дворъ“ (Журн. Мин. Юст. 1899 г. № 4; см. „Права“ № 18, стр. 944—945), которыя были сдѣланы М. А. Лозина-Лозинскимъ („Вѣстн. Права“ № 5; см. „Права“ № 27, стр. 1381). Продолжая настаивать на томъ, что признаніе de lege ferenda за всѣми членами крестьянскаго двора правъ на надѣлъ является средствомъ оградить землю отъ безконечнаго дробленія и сохранить крестьянство отъ обезземеленія, проф. Гуляевъ указываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ на тѣ оговорки, которыми М. А. Лозина-Лозинскій снабжаетъ свою формулу единоличной собственности домохозяина (она „не препятствуетъ признанію за другими членами семьи даже такихъ правъ, которыя ограничивали бы полноту правъ собственности домохозяина“), и которыя, по мнѣнію проф. Гуляева, приводятъ къ тому, что вся разница между теоріей Сената и теоріей Лозина-Лозинскаго оказывается лишь въ томъ, „что сенатская практика уже успѣла формулировать отношенія домохозяина и членовъ двора къ надѣльной землѣ, а г. Лозина-Лозинскій... предоставляетъ все дѣло обычному праву“.

И. Я. Фойницкій. На досугѣ. Сборникъ юридическихъ статей и изслѣдованій съ 1870 г. т. II.

Второй томъ сборника статей И. Я. Фойницкаго, отличающійся тѣмъ же разнообразіемъ содержанія, какъ и первый, превосходитъ его интересомъ вопросовъ, разработанныхъ въ этихъ статьяхъ. Одни изъ нихъ затронули нашу карательную систему въ общемъ („русская карательная система“) или опредѣленный ея видъ („наша сибирская ссылка“, „управленіе ссылки“), другія касаются процесса („судбно-уголовные кодексы Германіи“, „оправдательныя рѣшенія присяжныхъ и мѣры къ ихъ сокращенію“), третьи носятъ характеръ обзорный („какъ мы провели 1878 годъ“ и рецензіи на сочиненія проф. Таганцева, Неклюдова и др.); наконецъ, здѣсь же мы находимъ два обширныхъ изслѣдованія, посвященныхъ законодательству печати („общегерманское законодательство печати“ и „мировая эволюція законодательства печати“).

Наиболѣе выдающимся слѣдуетъ признать статьи о ссылкѣ и о печати, какъ по ихъ темѣ, такъ и по богатству выводовъ и практическому ихъ значенію, не утраченному ими и до настоящей минуты. Вопроса о ссылкѣ касается авторъ въ предисловіи къ сборнику и опредѣляетъ свое къ нему отношеніе въ слѣдующихъ словахъ:

„Читатель въ статьяхъ о ссылкѣ найдетъ многочисленныя пожеланія автора къ ея усовершенствованію. Было время, когда въ послѣднее авторъ принуждалъ себя вѣрить. Но всемірный многовѣковой опытъ и данныя отечественныя вынудили его къ безусловному отрицанію ссылки какъ мѣры наказанія. Ея прошлое темно и тревожно, ея настоящее печально. Защитники ссылки требуютъ забыть ея прошлое, сами всячески скрываютъ ея настоящее и просятъ вѣрить только въ ея будущее. Но эти увѣренія много разъ давались и ни разу не осуществились“. „Отмѣна ссылки, говорится далѣе, необходима во имя челоуѣколюбія и государственной мудрости“.

Зачатокъ такого отрицательнаго воззрѣнія на ссылку встрѣчается уже въ тѣхъ двухъ статьяхъ, ей посвященныхъ, которые написаны авторомъ въ 1879—1880 гг. Въ настоящее время ссылка какъ наказаніе у насъ не встрѣчаетъ серьезныхъ защитниковъ; тогда дѣло обстоило иначе. Къ началу восьмидесятыхъ годовъ относится, какъ извѣстно, попытка развить и организовать на правильныхъ основаніяхъ Сахалинскую ссылку, въ которую вѣрили и отъ которой ожидали столь многого. Тогда поддерживалось мнѣніе объ историческомъ значеніи ссылки, о соответствіи ея русской жизни и т. п. Тѣмъ замѣчательнѣе, что уже тогда, двадцать лѣтъ тому назадъ, проф. Фойницкій выступилъ съ цѣлымъ рядомъ фактическихъ данныхъ, рисующихъ ссылку съ мрачной стороны, указывающихъ на дезорганизацию экономическаго и нравственнаго состоянія ссыльныхъ, на невозможность удовлетворительнаго устройства ссыльныхъ, на непригодность ихъ, какъ колонизаціонныхъ элементовъ. Упомянутая далѣе, о предлагаемыхъ реформахъ, авторъ указывалъ на поразительное ихъ разногласіе и полную непрактичность, выражая, такимъ образомъ, недоувѣреніе къ ихъ успѣшности. Въ относящейся сюда же статьѣ „Управленіе ссылкой“ мы находимъ очень обстоятельную исторію правительственныхъ попытокъ, направленныхъ на то, чтобы установить это управленіе на правильныхъ основаніяхъ, и критику проектовъ новой организаціи ссыльнаго управленія. При этомъ, отдавая предпочтеніе проекту гр. Муравьева-Амурскаго, авторъ указывалъ, что подлѣ органовъ общаго управленія, ссылка нуждается еще въ органахъ, посвященныхъ служенію специальнымъ потребностямъ (рабочимъ, гигиеническимъ, духовнымъ и умственнымъ). Пожеланія автора оказались платоническими, ни одно изъ нихъ не получило полнаго осуществленія. Поэтому неудивительно, что если онъ тогда могъ писать: „мы не думаемъ, чтобы мудрыя планы московской политики постепеннаго занятія путемъ принудительной колонизаціи уже отжили свое время“, то въ настоящее время въ немъ уже выработалось противное убѣжденіе, выраженное имъ въ предисловіи: „ссылка отжила свой вѣкъ“.

Статья „Оправдательныя рѣшенія присяжныхъ“ написана была въ то время, какъ въ нѣкоторыхъ органахъ нашей періодической печати стало, по выраженію автора, нормальнымъ „отъ поры до вре-

мени, по поводу рѣшеній присяжныхъ засѣдателей, болѣе или менѣе неожиданныхъ для этихъ органовъ, скликать противъ нихъ кличъ на всю русскую землю.“ Авторъ подвергаетъ подробной критикѣ возникшія какъ разъ въ то время предложенія объ изъятіи изъ вѣдѣнія суда съ присяжными дѣль, по которымъ обвиняемые сознались, и дѣль о служебныхъ преступленіяхъ должностныхъ лицъ. „Опытъ Зап. Европы, говоритъ авторъ, долженъ бы былъ убѣдить насъ, что не въ этихъ изъятіяхъ слѣдуетъ искать обезпеченія достоинства и твердости юстиціи.“ Съ своей стороны, указывая на множество неблагопріятныхъ, но вполнѣ поправимыхъ условій, среди которыхъ приходится дѣйствовать суду присяжныхъ (недостатки предварит. слѣдствія, уклоненіе людей интеллигентныхъ классовъ отъ исполненія судебной повинности и мн. др.), авторъ видитъ главную причину зла „въ полномъ, официально признанномъ банкротствѣ всей нашей карательной системы.“

Въ статьяхъ, посвященныхъ законодательству печати, мы находимъ такое же обиліе умѣло сгруппированныхъ историческихъ данныхъ и изложенныя съ большимъ блескомъ и убѣдительною воззрѣніемъ автора на значеніе печатнаго слова, причемъ онъ ратуетъ за поставленіе печати въ условія правоваго порядка, съ тѣмъ, чтобы въ основаніи разрѣшенія вопроса объ отвѣтственности слова были положены общія начала уголовного права. Что же касается до стѣснительныхъ мѣръ полицейскаго характера, то авторъ обнаруживаетъ свое къ нимъ отношеніе въ слѣдующихъ словахъ:

„Законодателя интересуютъ... вопросъ, который формулируется слѣдующимъ образомъ: 1) доказываетъ ли исторія, что стѣснительныя мѣры въ состояніи остановить распространеніе идей, которыя при первоначальномъ своемъ появленіи были встрѣчены правительствомъ недружелюбно; 2) въ состояніи ли правительство распространять и поддерживать въ народѣ тѣ идеи, которыя, по законамъ исторіи мысли, осуждены въ данную эпоху на упадокъ и вымирание. Инаго отвѣта (на эти вопросы), кромѣ отрицательнаго, исторія дать не въ силахъ“. Принципы же, на которыхъ должна быть построена система юридической отвѣтственности печати, формулируются авторомъ весьма отчетливо. „Слово, насколько оно можетъ создавать и нарушать право, подчинялось и должно будетъ подчиняться государственнымъ мѣропріятіямъ; если же по существу слова конкретныя права не могутъ быть созданы и нарушены имъ, оно должно стоять въ сторонѣ отъ принудительной дѣятельности государства“. Такимъ образомъ, безотвѣтственнымъ должно быть всякое слово, „остающееся въ сферѣ отвлеченныхъ, абстрактныхъ понятій“. Таковы идеи государства, народнаго представительства, формы правленія, семьи, религіи, нравственности и вообще всѣхъ общихъ институтъ государственной и соціальной жизни. Только проникая въ сферу конкретнаго, только направляясь противъ конкретно-опредѣленнаго юридическаго отношенія, слово становится подъ эгиду юридическихъ мѣръ“.

Предѣлы библиографической замѣтки не позволяютъ намъ подробнѣе остановиться на содержаніи разсматриваемой книги, но и приведеннаго достаточно, чтобы привѣтствовать ея появленіе и пожелать ей того широкаго распространенія, котораго она заслуживаетъ.

Вл. Н.

Списокъ дѣлъ, назначенныхъ къ слушанію въ Правительствующемъ Сенатѣ.

На 1 ноября, по общ. собр. 1-го и Касс. Д-въ.

Допомогія Одесск. с. п. о пререканіяхъ, возникшихъ между морскимъ вѣдомствомъ и палатою о подсудности дѣлъ: по иску Козодая къ морскому вѣдомству 3,000 р. за увѣче; по иску Кравца къ морскому вѣдомству 3,870 р. за увѣче.

На 1 ноября, по общ. собр. Касс. Д-въ.

По рапортамъ начальн. главн. военно-суднаго управленія о разрѣшеніи пререканія о подсудности дѣлъ по обвиненіямъ: Малахова и Попова въ кражѣ и Переходкина въ укравъ этой кражи; Санковского въ членовредительствѣ.

На 1 ноября, по Высшему Дисциплинарному Присутствію.

По жалобѣ судебного слѣдователя Прокоповича на опред. общаго собр. д-товъ Виленск. с. п. по дисциплинарному о немъ производству.

На 4 ноября, по 1 экспед. Судебн. Деп.

Апелляц.: по взаимнымъ искамъ ст. сов. Петрашеня и навл. сов. Юлшина, по иску торгов. дома „Вдова Екатерина Жучкова съ сыновьями“ къ администраціи Терешенкова объ обращеніи ея въ конкурсы; по иску Виллириса къ Анастасіядису о дачѣ отчета; по иску Каминскаго къ Пальке о дачѣ отчета и по встрѣчному иску; по иску Цатурова съ Яковлева 40,000 р. съ 9/0.

Частныя: по жалобамъ на Московск. коммерч. судъ: члена торговаго дома „Е. Плотицина С-я“; повѣр. Мейседа; повѣр. Холоднова; присяжн. попечит. несостоят. Воборыкина; на Спб. коммерч. судъ: повѣр. Канарейкина; повѣр. Канкаровича; на Одесск. коммерч. судъ: повѣр. фирмы „Веллино-Коммерель“; мѣщ. Лифшица; купца Купермана; прошеніе мѣщ. Дане; объ отдалѣ въ аренду недвижим. имущество малолѣтнихъ: графа Мордвинова; Горткевичей; о продажѣ и перезаполнѣ недвижимыхъ имѣній; несовершеннолѣтнихъ Матвѣевыхъ; наследниковъ: Курапова; Слюсарева; Туголуковыхъ; малолѣтнихъ: Моревскихъ; Воскресенскихъ; Поровскаго; Горнишновой.

На 1 ноября, по 2 экспед. Судебн. Деп.

Апелляц.: жал. Маликовскаго на рѣш. Акмолинск. обл. суда по иску Маликовскаго съ Верезина 5,000 р.; жал. Буковскаго на рѣш. Сыръ-Дарьинск. обл. суда о расчетахъ по закладной; о возоб. межъ и межев. признаковъ д. Усадица; о возоб. межъ и межев. признаковъ селца Семенкова; о суд. размежеваніи дачи Нижегородск. губ. общаго дѣса; о возоб. межъ и межев. признаковъ с. Вейшковицъ; о возоб. межъ и межев. признаковъ с. Попоротна.

Частныя: о восстановленіи границы меж. признаковъ с. Ильинки и с. Ржавки; по жалобамъ: Юусова на Семирѣченск. обл. судъ; Мирсапимова на Семипалатинск. обл. судъ; Колесникова на Семирѣченск. обл. судъ; Кутенева на Акмолинск. обл. судъ; прош. Чалѣева о восстановленіи срока; прош. Обрицкаго о выдать копи; Гирей на рѣш. наказ. атамана; Нанкина на Вятск. сир. судъ; Казанцевой на Тобольск. губ. судъ; Чадиной на Уральск. обл. судъ; Лобашевой на Уральск. обл. судъ; прош. Абдуль-Ходжаева; о продажѣ, залогѣ и перезаполнѣ имѣній: Могилевой; Ериженковыхъ; Житиной; Новичкой; Лэммерта; Талаевой; Цейтлицъ; Крохоткиной; Хайкиной; Посѣда; Столяра; Текиджи-Хамбуровой; Тыртова; Щеднова; Цвѣтковой; Сороковаго; Вяткина; Трембовецкаго; Роговскаго; Заславскаго; Сварчкова и Пенской; Смирновой; Патрия; Зиминной; Поновыхъ; Кочергина; Кожуховской; Ланиса; Мильграма; Толченова; Гудула; Панцарева; Новикова; Одноглазкова; Моисѣева; Волотина; Валхеля; Таптыкова; объ оспид. умств. способ.: Хомутовой; Миане: Ямчитскаго; Крыжановскаго; Пузанова; Клодквичя; Кольбелина; Сенкевичя; Осельскаго; Маковскаго; Кагана; Шенковскаго; Вилькентъ; Денисова; Фидельманъ.

На 4 ноября, по 1 отд. Угол. Касс. Деп.

Жалобы: Худолья Вобруйск. м. с.; Каппо В.-Вейсенштейнск. м. с.; Мартынюка Бердичевск. м. с.; Свѣцкаго Люблинск. 1 окр. м. с. по обв. Ивашука; упр. акц. сб. Одесск. о. с. по обв. Драновскаго; Вершка Рѣжницк. м. с.; упр. акц. сб. Рѣжницк. м. с. по обв. Шварцгоръ; Соловьева Владимірск. о. с.; Тихенко Подтавск. о. с.; Горшечникова Казанск. м. с.; Добкина Гомельск. м. с.; Таракановой Гомельск. м. с.; Песина Гомельск. м. с.; упр. акц. сб. Ставропольск. о. с. по обв. Зиберова; Борисовой Пензенск. о. с.; Петрова Измайльск. м. с.; упр. акц. сб. Таганрогск. м. с. по обв. Азофцева; Фин-

кельштейна Чериковск. м. с.; Пронина Астраханск. гор. м. с.; Ильченко Екатеринославск. о. с.; Степановой Р.-Гапсальск. м. с.; упр. акц. сб. Нижегородск. о. с. по обв. Акфѣевой; Егорова Саратовск. о. с.; Золотенкова Пензенск. о. с.; Ароновича Киевск. м. с.; Стальмащикъ Радомск. 1 окр. м. с.; Бевгулова Владимірск. о. с.; Плорина Р.-Вольмарск. м. с.,—въ по обв. въ наруш. пит. уст.; Эштштейна Житомирск. м. с.; Вяртера Люблинск. 2 окр. м. с.; Горбова Варшавск. гор. м. с.; Когана и Вассера Дубенск. м. с.; Іерусалимскаго Астраханск. гор. м. с.; Шоймера К.-Подольск. м. с.; Левинтова Витебск. м. с.; Гринберга Дубенск. м. с.; Турина Варшавск. гор. м. с.,—въ по обв. въ наруш. стр. уст.; Лоца Рѣжницк. м. с. наруш. таб. уст.; Бабаевой Московск. ст. м. с. наруш. таб. уст.; Морозова Московск. ст. м. с. 51^а ст. у.; Ковалева Астраханск. гор. м. с. 135 ст. у.; Синицына Астраханск. гор. м. с. 38 ст. у.; Покотилова Астраханск. гор. м. с. 180 ст. у.; Носова и Третьякова Тамбовск. о. с. 225 ст. у.; Шахматѣева Тамбовск. о. с. 1647 ст. у.; Жукова Астраханск. гор. м. с. оскорбленіе дѣйствіемъ; Рачковскаго Р.-Вольмарск. м. с. 51^а ст. у.

Протестъ тов. прок. на Саратовск. о. с. по обв. Минѣевыхъ и др. по 1654 ст. ул.

На 5 ноября, по 2 отд. Угол. Касс. Деп.

Жалобы: Лаковы и Галагана Стародубск. о. с. 1525 ст. ул.; Брумина Могилевск. о. с. 172 ст. у.; Ромберга Луцк. о. с. 172 ст. у.; Маньковскаго Ямпольск. м. с. по обв. Мазура въ кражѣ; Чернихова Слоимск. м. с. нанесеніе побоевъ; Мадѣвичя Бердичевск. м. с. 121 ст. у.; Зелинскаго на опред. Варшавск. гор. м. с.; Добровольскаго Бердичевск. м. с. 31 ст. у.; Ландберга Одесск. гор. м. с. по обв. Голяка по 135 ст. у.; Гегеля Одесск. гор. м. с. по обв. Левъ по 180^а ст. у.; Вайгермана Одесск. гор. м. с. кража; Стацевичей Новоалександровск. м. с. 130 ст. у.; Скопцовъ Киевск. о. с. 1449 ст. ул.; Чмута Нѣжинск. о. с. 1697 ст. ул.; Уварова на опред. Саратовск. с. п.; Подобы Одесск. гор. м. с. 136 ст. у.; Вернадскаго и др. Староконстантиновск. м. с. 142 ст. у.; Вѣриченко Сквирск. м. с. кража; Голуховскаго Ямпольск. м. с. по обв. Кацевмана и др. по 176^а ст. у.; Минаева В.-Вольнск. м. с. оскорбленіе; Ильницкаго Литинск. м. с. 142 ст. у.; Хазанчука Херсонск. о. с. 1666 ст. ул.; Фейнссера на опред. Варшавск. гор. м. с.; Пальчевскаго Летичевск. м. с. по обв. Вылезкинскаго по 142 ст. у.; Осла и др. Новогрудск. м. с. 170 ст. у.; Луговскихъ Нѣжинск. о. с. 1651 ст. ул.; Дердика Нѣжинск. о. с. 1642 ст. ул.; Зальтвина на опред. Р.-Вольмарск. м. с.; Зильберта Сквирск. м. с. 172 ст. у.; Москаленко Сквир. м. с. кража; Порозинскаго и др. Ресіенск. м. с. 134 ст. у.; Малкина Чериковск. м. с. 142 ст. у.; Коварскаго Свенцянск. м. с. кража; Ново-Ушицк. гор. управы Ушицк. м. с. по обв. Тернавскаго по 142 ст. у.; Ваковъ Ковенск. о. с. 1160 ст. ул.; Бражкина Уманск. о. с. 294 ст. ул.

На 6 ноября, по 3 отд. Угол. Касс. Деп.

Жалобы: Аникина Вятск. о. с. 211 ст. ул.; Давыдова Уфимск. о. с. 169 ст. у.; Рѣжницкаго Сумск. о. с. 1525 ст. ул.; Макарова и Пачина Вологодск. о. с. 1489 ст. ул.; фонъ-Гарпе Р.-Гапсальск. м. с. 130 ст. у.; Кельманъ Р.-Гапсальск. м. с. 169 ст. у.; Шматовой и др. Двинск. м. с. 31 ст. у.; Николаева Харьковск. м. с. 38 ст. у.; Парумана В.-Валкск. м. с. 177 ст. у.; Синебрюхова Донецк. м. с. 177 ст. у.; Левитовъ Невельск. м. с. 142 ст. у.; Ягоншина Московск. ст. м. с. 142 ст. у.; Виноградова Тульск. о. с. 942 ст. ул.; Владимірскаго Каневск. м. с. 29 ст. у.; Сиваева и др. Житомирск. м. с. 29 ст. у.; Исаевой Спб. ст. м. с. 173 ст. у.; Добрна Витебск. м. с. 29 ст. у.; Мойсесца Р.-Вольмарск. м. с. 31 ст. у.; Миккульскаго и др. Борисов. м. с. 29 ст. у.; Хорватова на опред. Рост.-на-Д. м. с.; Кагана Дубенск. м. с. 29 ст. у.; Сперанскаго Московск. ст. м. с. 131 ст. у.; Патрикѣевыхъ Московск. ст. м. с. по обв. Корнатовской по 136 ст. у.; Гутковой Спб. ст. м. с. 29 ст. у.; Копанькина и др. Московск. о. с. 1160 ст. ул.; Ценцинера Рѣжницк. м. с. 115 ст. у.; Файзуллина Казанск. м. с. по обв. Самусова по 136 ст. у.; Кожебичкина Нижегородск. м. с. 136 ст. у.; Анисимова Московск. ст. м. с. 142 ст. у.; Бекмана Р.-Вольмарск. м. с. 142 ст. у.; Розе Р.-Вольмарск. м. с. 51^а ст. у.; Сварова Ю.-Верроск. м. с. 169 ст. у.; Старухина Нижегородск. о. с. 1692 ст. ул.; Голубина Харьковск. о. с. 1480 ст. ул.; Чугунова Казанск. м. с. 131 ст. у.; Пукяна Ф.-Ильгустск. м. с. 169 ст. у.; Клачковскаго на опред. Лепельск. м. с.;

Редакторы-издатели: Приватъ-доцентъ В. М. Гессенъ.

Н. И. Лазаревскій.